

Патрушев Сергей

Тень Трафа

Сергей Патрушев

Тень Графа

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тень Графа / С. Патрушев — «Автор», 2026

Граф Сергей ди Фальконе, жестокий и гениальный правитель суровой Волчьей Пустоши, получает от короля опасный дар — земли на границе с Дикими землями. Вместе с целительницей Бланш и дочерью-воином Амалией он превращает заброшенный замок в неприступную крепость. Но за внешней угрозой дикарей скрывается коварный заговор при дворе. Пока король плетёт интриги, Сергею предстоит не только выжить среди мертвецов и магов-отступников, но и понять: истинная власть измеряется не золотом короны, а верностью тех, кого ты готов защищать ценой собственной души.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Волчья Пустошь	5
Глава 2. Замок Соколиной Скалы	12
Глава 3. Мятеж в Низинах	19
Глава 4. Подарок для Бланш	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тень Графа

Глава 1. Волчья Пустошь

Холодный октябрьский ветер пах озоном, прелой листвой и гарью. В Волчьей Пустоши никогда не было других запахов. Даже в редкие дни без дождя эта земля оставалась мертвой: здесь не росли деревья, лишь цепкий вереск да черный мох пытались удержаться на гранитных клыках скал, торчащих из торфяников, как гнилые зубы старика.

Граф Сергей ди Фальконе стоял на вершине самого высокого из этих клыков. Его вороженный доспех работы имперских мастеров давно утратил блеск, покрывшись густой коркой подсохшей крови — чужой, перемешанной с его собственной. Левое плечо онемело от скользящего удара секирой, под нагрудником пульсировал горячий синяк, но граф даже не думал опускать забрало. Он смотрел вниз.

Долина между тремя холмами превратилась в кипящий котел. Там сошлись две армии. Справа, за частоколом из перевернутых телег и острых кольев, держали строй наемники графа — три сотни пикинеров в тяжелых латах, закопченные пороховым дымом ландскнехты из-за Хребта и остатки его личной гвардии. Слева, прижатые к топким берегам Черной реки, бились ополченцы барона Ульриха. Их было почти тысяча. Крестьяне с вилами, лесорубы с двуручными топорами, горстка легкой конницы. Толпа против железной стены.

— Они выдохлись, мессир, — прохрипел рядом капитан Гвидо, вытирая лезвие фальшиона полый собственного плаща. Кровь убитого им знаменосца врага стекала по стальным пластинам капитана прямо в глазницу шлема, превращая лицо Гвидо в маску демона. — Третий час мы перемалываем их об наши пики. У них кончаются люди, у нас — время. Король Всеволод ждать не будет.

Сергей молчал. Его взгляд был прикован к центру вражеского войска, где над морем грязных лиц и ржавого железа реяло знамя рода Баратовых — золотой медведь на черном поле. Старый барон Родион лично вел своих людей в бой. Не ради чести. Ради земли. Той самой земли, которую король Всеволод обещал Сергею еще пять лет назад за подавление мятежа на юге. Но пока меч остер, а спина пряма, обещания королей стоят дешевле пергамента, на котором они написаны.

— Время — это то, что я сейчас заберу у Ульриха, — наконец произнес граф. Голос сквозь решетку шлема звучал глухо, как из склепа. — Передай арбалетчикам: залп по правому флангу, когда скажу. И пошли гонца к магу. Мне нужен шквал ровно на десять вдохов. Ни больше, ни меньше.

Гвидо кивнул и исчез за гребнем скалы, скатываясь вниз по осыпи.

Битва внизу вошла в ту стадию первобытного безумия, когда дисциплина уже ничего не значит. Строй Сергея прогнулся в центре. Наемники пятились под тяжестью людской массы. Барон Родион, огромный мужчина в медвежьей шкуре поверх кольчуги, работал двуручным мечом, как дровосек. Каждый его удар поднимал в воздух фонтаны алой воды и отсеченных конечностей. Казалось, еще четверть часа, и железная стена рухнет, захлебнувшись в крестьянской ярости.

Сергей снял с пояса небольшой бронзовый свисток на серебряной цепи. Артефакт старой школы, слабый, едва тянущий на второй ранг магии Воздуха. Настоящие маги сидели при штабе короля, оберегая свои драгоценные жизни для штурма столицы. Здесь же приходилось обходиться крохами силы.

Он вложил в легкие столько воздуха, сколько позволили треснувшие ребра, и дунул.

Свисток издал звук, который человеческое ухо услышать не могло — тонкий комариный зуд на грани инфразвука. Но молекулы воздуха вокруг услышали его прекрасно.

Сначала упала тишина. Звон стали, рев сотен глоток, ржание лошадей — всё мгновенно отрезало ватной стеной. Бойцы замерли, оглядываясь в недоумении. Затем трава на склонах начала стелиться горизонтально.

Сергей поднял левую руку, сжатую в кулак. Это был сигнал.

Ветер родился не сверху. Он ударил из-под земли. Узкий, невидимый нож шириной ровно в тридцать шагов прошел через центр армии Ульриха, следуя естественному желобу долины. Магический порыв сорвал с плеч барона Родиона его тяжелую медвежью шкуру вместе с куском наплечника. Ветровой клинок перерубил древки копий, вырвал из рук топоры, сдул легкую кавалерию в сторону топких берегов, словно сухие листья.

Но главным было не это. Десять вдохов истекли ровно в тот момент, когда воздушный поток достиг задних рядов ополчения. Те, кто бежал сюда от голода в надежде на добычу, увидели, как передовая линия их товарищей внезапно исчезает. Люди взлетали в воздух, ломались о камни, их тела перемалывало собственным же бегущим сзади подкреплением. Паника родилась быстрее мысли.

Тишину разорвал новый звук — треск дерева и рвущейся плоти. Армия Ульриха потеряла инерцию. Центр провалился, превратившись в кашу из раненых и затоптанных.

— Сейчас! — взревел Сергей, обнажая свой бастард. Лезвие клинка, выкованного из метеоритной стали, поймало тусклый свет свинцового неба.

Он прыгнул со скалы. Высота в два человеческих роста была для него пустяком. Граф приземлился на плечи ближайшего вражеского знаменосца, используя инерцию падения, чтобы пробить сталь шлема окованным сапогом. Не останавливаясь, он перекатился, уходя от замаха вила, и вошел в толпу, как игла входит в гниющее мясо.

Его гвардия последовала за ним. Тридцать рыцарей-ветеранов, каждый из которых стоил десятка обычных бойцов. Они не кричали боевой клич. Они просто убивали.

Сергей двигался иначе. Его стиль боя казался ленивым со стороны. Он не тратил сил на широкие замахи. Шаг влево — уклонение. Короткий тычок снизу вверх — наконечник бастарда выходит под подбородком очередного храбреца. Разворот кисти — режущая кромка снимает пальцы с древка секиры. Он использовал массу нападающих против них самих. Любой, кто пытался достать графа, невольно подставлял спину следующему. Волчья Пустошь пожирала своих детей, давясь ими.

Барон Родион увидел его. Оскалившись так, что седая борода стала похожа на кровавую метлу, старый воин отбросил труп своего телохранителя и пошел навстречу. Двуручный меч описал в воздухе сияющий полукруг. Сила удара была такова, что попади он по камню — высек бы искры.

Сергей не стал блокировать. Он шагнул вперед, *внутри* траектории замаха. Расстояние сократилось до неприличного. Для огромного меча Родиона места не осталось. — Ты слишком большой для этой земли, — сказал граф. Клинок бастарда мягко, почти нежно вошел барону под нижнюю челюсть и вышел через макушку, срезав верхнюю часть черепа, как крышечку с котелка. Мозг и горячая кровь плеснули Сергею на лицевую пластину шлема. Родион постоял мгновение, все еще сжимая рукоять своего бесполезного теперь меча, а затем рухнул навзничь, подняв тучу черной пыли.

Смерть вождя добила то, чего не успел сделать ветер. Ополчение побежало. Безумно, слепо, бросая оружие. Наемники Сергея, почуяв кровь и победу, сомкнули ряды и пошли в контратаку, работая длинными пиками методично, как жнецы на пшеничном поле. Резня превратилась в работу.

Когда последние очаги сопротивления были затоптаны копытами тяжелой конницы, наступила настоящая тишина. Та самая, что бывает только после массовой смерти.

Сергей стянул шлем. Лицо графа, обычно бледное и аристократически бесстрастное, было серым от усталости. По щеке тек пот, смешиваясь с кровью Родиона. Он сделал несколько нетвердых шагов и опустился на одно колено прямо посреди поля мертвецов.

Запах изменился. Железо перебило озон. Миллионы мух уже слетались на пир.

Капитан Гвидо подошел, тяжело дыша. В бедре капитана торчал обломок копья, но Гвидо, казалось, этого не замечал. — Мы потеряли сорок человек, мессир. Еще семьдесят не встанут в строй до зимы. Ульрих мертв. Его сын попал в плен с распоротым животом, долго не протянет. Земля чиста.

Земля. Сергей посмотрел на свои руки в латных перчатках. На носки сапог. Он чувствовал эту землю. Она была холодной, влажной и абсолютно враждебной. Торфяники, которые высасывают тепло. Гранит, который нельзя вспахать. Болота, рождающие лихорадку. Бесплодный кусок камня на севере королевства, продуваемый всеми ветрами. Место ссылки для провинившихся дворян, а не дар за верную службу.

Король Всеволод знал, куда его отправить. Граница с Диким Лесом, вечные набег кочевников с востока, отсутствие дорог и рудников. Медвежий угол. Проверка на прочность. Выживешь год — молодец. Выживешь пять — возможно, тебе оставят титул. Умрешь — королевская казна сэкономит на твоём годовом жаловании, а твоя вдова сама принесет челобитную, умоляя забрать надел в пользу короны.

Сергей медленно поднялся. Боль в плече вспыхнула с новой силой, заставив поморщиться. Он отстегнул латную перчатку с левой руки и бросил ее на ближайший камень. Кожа перчатки гулко ударилась о гранит.

Затем он вытащил из-за голенища кинжал. Простой, пехотный, с широким лезвием. Не парадное оружие, которым можно красиво вскрыть себе вены или принять почетный яд. Инструмент для грязи.

Гвидо и выжившие рыцари смотрели на него, ожидая приказа. Что делать с пленными? Куда хоронить своих? Где разбивать лагерь?

Сергей обошел тело барона Родиона, стараясь не смотреть в открытые, застывшие в изумлении глаза мертвеца. Он остановился там, где начинался склон холма. Земля здесь была чуть суше, покрытая лишь тонким слоем перегноя. Идеальное место для наблюдательного поста. Или для первого дома.

Он полоснул кинжалом по ладони. Холодное лезвие легко рассекло загрубевшую кожу. Темная венозная кровь выступила крупными каплями. Граф сжал кулак, чувствуя, как теплая жидкость течет между пальцами, согревая металл брони.

Волчья Пустошь молчала. Тысячи пар мертвых глаз смотрели на него из грязи. Ветер трепал волосы Сергея, впервые за день очистив лицо от липкой корки чужих страданий.

— Я слышал твои шепоты, — тихо сказал граф пустоте. Голос его был хриплым, но каждое слово падало в тишину четко, как капли воска. — Ты выпила моего предшественника. Выпила тех, кто пришел до него. Ты думаешь, что твой холод может убить волю? Ты думаешь, что твой камень тупее моей стали?

Он разжал кулак. Капли крови упали на сухую траву. Одна. Вторая. Третья.

— Ты ошибаешься.

Сергей упал на колени, вонзая пальцы в мерзлую землю. Он начал сгребать ладонями мокрый торф, грязь, мелкие острые камни, пачкая дорогой дублет. Он не строил замок. Он не воздевал руки к небу. Этот жест был древнее любого ритуала посвящения в рыцари. Это было право захватчика, право того, кто остался последним живым на этом клочке мира.

Он размазывал свою кровь по земле, вбивая ее в трещины гранита костяшками пальцев. Смешивал теплую жизнь с вечным холодом камня.

— Каждая пядь, — выдохнул он, переводя дыхание. — Каждый валун. Каждое проклятое болото. Каждая крыса в этих подвалах, которая посмеет цокнуть зубом в моем доме. Всё это... теперь мое.

Он провел рукой по лицу, размазывая кровь Родиона вперемешку со своей собственной. Стал похож на языческого идола, вышедшего из самых темных болот.

— Запомните этот день, — граф повернул голову к своим людям. Из-под маски запекшейся крови на одного из лейтенантов уставились совершенно ясные, ледяные глаза. — Запомните этот запах. Так пахнет дом. Собирайте раненых. Добить неспособных идти. Пленникам перевязать раны, дать воды и выставить дозорных. Никто не уйдет отсюда сегодня ночью. Мы будем спать среди наших мертвецов. Утром начнем считать овраги.

Рыцари переглянулись. Сумасшедший приказ. Но никто не посмел возразить. Тот, кто только что голыми руками переломил хребтину превосходящей армии, имел право на любое безумие.

В десяти милях к югу, в просторном шелковом шатре, пропахшем можжевельником, ладаном и кислым вином, было жарко. Королевский писарь, промокнув лоб кружевным рукавом, посыпал свежие чернила песком.

Король Всеволод Четвертый сидел в походном кресле, вытянув ноги поближе к жаровне. На нем был легкий бархатный камзол цвета бургундского, расшитый мелким жемчугом. Ни единой царапины. Его пухлые белые руки покоились на резных подлокотниках. Рядом, на низком столике, стояла тарелка с запеченным фазаном, к которому король так и не притронулся — аппетит монарха всегда портился, когда далеко на севере лилась кровь его вассалов.

— Пергамент готов? — спросил Всеволод, не поворачивая головы. Взгляд короля был устремлен на пляшущие угли в жаровне.

— Да, ваше величество, — писарь протянул свернутый трубкой лист плотной бумаги с висячей печатью. — Указ о передаче титула маркиза и всех земель Волчьей Пустоши, включая спорные территории вдоль Дикой межи, графу Сергею ди Фальконе и его законным наследникам. Формулировка «даровано за исключительную отвагу и преданность короне» вписана вашим личным указом.

Всеволод взял указ двумя пальцами, словно опасаясь испачкаться. Он повертел свиток, глядя на массивную золотую печать. — Исключительная отвага, — повторил король задумчиво. — Как возвышенно звучит смерть тридцати тысяч мужиков. А скажи мне, канцлер, сколько серебра ушло на оплату векселей Южного Альянса в этом месяце?

Вперед выступил лорд-канцлер, сухой, как прошлогодний гербарий, старик в черном: — Казна истощена, мой государь. Купеческая гильдия Риффа подняла пошлины. Если мы не заплатим Альянсу до новолуния, южные ворота останутся без гарнизона.

Король усмехнулся. Улыбка сделала его круглое, благообразное лицо хищным. — Вот видишь. Денег нет. Зато есть избыток молодых волков. Слишком ретивых. Слишком популярных в народе. Слишком хорошо умеющих считать долги короны. Наш дорогой Сергей спас мне трон пять лет назад. Спас так эффективно, что армия любит его больше, чем меня. Оставить его при дворе — подписать себе смертный приговор. Сослать — затаит обиду и ударит в спину во время следующей охоты.

Король положил указ обратно на столик, аккуратно выровняв края. — Волчья Пустошь решит обе проблемы. Если он дурак — замерзнет там первой же зимой вместе со своими латниками. Торфяники никого не отпускают. Если он умен... что ж, тогда через пару лет оттуда начнут поступать первые обозы с пушниной и медью. Он построит дороги, выжжет леса, поставит крепости на границе. Он станет идеальным буфером между нами и Диким Лесом. И главное — он потратит там каждую монету, которую одолжил у меня на содержание полка. Он

будет строить мой северный рубеж на свои деньги. А если попытается взбунтоваться... кому пойдет жаловаться граф без единого замка? Медведям?

Всеволод щелкнул пальцами. Писарь тут же схватил свиток. — Подайте мне перо. Нет, не лебединое. Гусиное. То, которое поскрипывает.

Монарх обмакнул кончик пера в хрустальную чернильницу. Сделал короткую паузу, наслаждаясь моментом абсолютной власти. Жизнь одного человека, будущее целого края — всё зависело сейчас от движения его пухлой кисти.

— Знаешь, что самое прекрасное в Сергее ди Фальконе? — вдруг спросил король, обращаясь скорее к жаровне, чем к придворным. — Он искренне верит в честь. Верит, что получает эту землю в награду. Он думает, что победил сегодня.

Перо коснулось пергамента. Чернила вязко поползли по бумаге, выводя замысловатый вензель подписи. *Wladislaus Rex*.

— А ведь на самом деле, — прошептал Всеволод, ставя финальную точку с легким хлопком, — я просто оплатил строительство северной стены самым дорогим материалом, который у меня был. Гордыней графа.

Канцлер принял подписанный указ, поклонился и передал его секретарю для регистрации Большой печатью. — Прикажете готовить гонца, ваше величество? Дороги беспокойны.

— Не стоит спешить, — король откинулся на спинку кресла и махнул рукой музыкантам в углу шатра. Те начали тихую, ненавязчивую мелодию. — Пусть мальчик сначала как следует выкупается в крови на своей новой земле. Пусть почувствует вкус победы. Пусть произнесет свои красивые слова про дом. Гонца отправите на рассвете. И приложите к указу карту. Самую подробную. Чтобы он видел границы своего рая.

Шатер качнуло налетевшим с юга теплым ветром, принесшим запах приближающейся осени и далеких городов, где не знают запаха битого льда и сожженной человечины. Король закрыл глаза, позволяя музыке смыть усталость тяжелого дня.

Где-то там, на севере, одинокий человек стоял на коленях посреди горы трупов, прижимая окровавленную ладонь к мертвой земле и называя её своим домом. Король улыбнулся темноте под веками. Игра началась.

Ночь в Волчьей Пустоши наступила стремительно, поглотив последние краски. Небо затянуло низкими тучами, скрыв луну. Началась изморось — мелкая, въедливая, проникающая под любую одежду.

Сергей сидел у разведенного огня. Костер сложили прямо на месте гибели барона Родиона, используя его расколотый щит вместо растопки. Граф приказал снять с убитых врагов всю годную одежду, обувь и ремни. Война требовала практичности. Своих павших — восемьдесят шесть человек — уложили ровными рядами чуть поодаль, накрыв собственными плащами. Раненых разместили в центре импровизированного каре из сцепленных повозок. Пленников связали и посадили под навес из еловых лап — дождь мог вызвать у них горячку, а больные заложники никому не нужны.

Гвидо, морщась, обрабатывал свое бедро. Один из лекарей ножом расширял рану, доставая зазубренный наконечник. Капитан скрипел зубами, но не издавал ни звука, глядя на огонь.

— Завтра нужно похоронить наших, мессир, — просипел Гвидо, когда лекарь начал зашивать рану жилами. — Иначе зверье... — Никаких общих ям, — оборвал его Сергей, не отрывая взгляда от пламени. — Копать до камня. Каждому — отдельная ниша. Закладывать плитняком. Наверху ставить простой деревянный крест. Имя, дата. Чтобы любой путник, проходя мимо, знал: здесь лежат те, кто купил эту землю ценой жизни. Это первое правило нашего нового дома. Дисциплина начинается с уважения к мертвым.

— Будет сделано. Камень рубить трудно, дожди размывали грунт. — Значит, будете грызть камень зубами, — спокойно ответил граф. — Сколько фуража нашли в обозе Ульриха? — На

три дня, если урезать пайки. Коней придется перевести на ветки. — Отлично. Три дня — это много. За три дня можно найти воду. Отправь разведчиков к востоку, там должна быть система старых родников, судя по картам ордена. Если найдут — поставить колодцы. Первую крепость будем строить там. Назовем её «Клык».

Сергей поворошил угли концом кинжала. Искры улетели в темноту, где стояли неподвижные фигуры часовых. — Пленных привести ко мне. Одного. самого старого.

Через минуту двое гвардейцев швырнули к ногам графа пожилого мужчину в одежде сельского старосты. Седая борода крестьянина смерзлась от соплей и грязи, он мелко дрожал, стоя на коленях. — Поднимите его, — приказал Сергей. — Не калечить.

Старосту поставили на ноги. Он попытался упасть снова, но сильные руки гвардейцев держали его вертикально. — Как тебя зовут? — голос графа звучал ровно, почти участливо. — М-мартин, ваша милость... Староста деревни Дубовый Лог. Мы не хотели... Нас барон погнал батогами... Сказал, отдадим десятину с урожая вам, только живота не лишайте...

Сергей долго смотрел на него. В глазах графа не было ни злобы, ни жалости. Только тяжелый, оценивающий расчет. — Мартин. Посмотри вокруг.

Староста послушно завертел головой, хотя глаза его были полузакрыты от ужаса. Поляна освещалась лишь редкими факелами и багровым светом костра. Кругом лежали тела. Сотни, если не тысячи. Скрюченные, замерзшие, утопленные в грязи. Белые лица, смотрящие в никуда. Смерд стоял такой, что слезились глаза. — Видишь их? — продолжил граф. — Это цена билета. Билета на проживание на моей земле. Барон Родион умер, потому что считал эти холмы своими по праву рождения. Эти люди умерли, потому что надеялись выжить, ограбив проезжего дворянина. Мой первый советник погиб сегодня утром, закрыв меня собой от рогатины, потому что служил за серебро. Все они ошибались. Деньги заканчиваются. Род прерывается. Рогатина находит щель в броне. Выживает только тот, кто работает.

Сергей встал. Он оказался выше старосты на две головы. Граф растянул верхние крючки камзола, достал из внутреннего кармана кожаный кошель и бросил его Мартину. — Здесь двадцать золотых нобилей. Больше, чем вся твоя деревня видела за десять лет.

Староста непроизвольно прижал кошель к груди, глядя на него безумными глазами. — Это не взятка, — тихо сказал Сергей. — Это аванс. Завтра на рассвете ты отведешь моих людей к своему Дубовому Логу. Мы не тронем ваших женщин. Мы не возьмем ваш скот. Ваши дети не пойдут в рекруты. Вместо этого каждая семья обязана выделить двух мужчин. От восемнадцати до пятидесяти. Крепких. Этих мужчин я забираю. Они будут рубить лес и тесать камень. За еду. За крышу. За защиту. Через год лучшие из них получат бронзу и станут стражей. Через пять — сталь и вольную. Остальные продолжают работать. Это называется феодальный договор, Мартин. Я даю вам порядок и плуг, которого у вас никогда не было. Вы даете мне свои руки.

— А если мы откажемся? — пискнул староста, сам ужаснувшись своей смелости.

Сергей улыбнулся краем губ. Это была страшная улыбка. — Тогда завтра утром мои пикинеры пройдут по вашей деревне частым гребнем. Мы соберем урожай. Весь, до последнего зерна. Ваших дочерей погрузим в фургоны и увезем на рынки Риффа. Мужчин, способных держать кирку, кастрируем и продадим на галеры. А деревню сожжем, чтобы очистить площадку под каменоломню. Выбор прост, Мартин. Быть рабом мародеров, которые приходят и уходят, или стать частью фундамента. Решай. У тебя есть время до того, как догорит вот эта головня.

Граф указал на толстую ветку в огне. Сухое дерево трещало, оседая.

Староста опустил взгляд на кошель, потом на головню, потом на лицо графа. Он смотрел долго. В красных отблесках костра черты Сергея ди Фальконе казались высеченными из того самого гранита, на котором он стоял.

Мартин открыл рот, хотел что-то сказать, возможно, поблагодарить или попросить прощения, но горло издало лишь булькающий звук. Он тяжело рухнул на колени, прижимая золото

к сердцу, и уткнулся лбом в мокрую землю. Старые кости не выдержали напряжения последних суток. Староста плакал — беззвучно, содрогаясь всем телом, размазывая слезы и грязь по бороде.

Сергей отвернулся. Эмоции пейзажа его не интересовали. — Гвидо, — позвал он. — Здесь, мессир, — капитан подошел, опираясь на здоровую ногу. — Выдели ему охрану. И лекаря. Нам нужны рабочие руки, а не труп старика. — Слушаюсь. — Остальных пленных распределить по работам согласно навыкам. Кузнецам — мехи. Плотникам — заготовки для моста через ручей. Остальных — копать выгребные ямы. Санитария важнее молитв.

Граф вернулся к костру и сел на брошенное на землю седло. Он вытянул раненую ногу. Сырость ночи пробирала до костей, несмотря на близость огня. Но впервые за долгие годы странствий и службы Сергей чувствовал тепло внутри. Оно зарождалось не от пламени. Оно шло от той точки в груди, где боль от сегодняшних ран смешивалась с осознанием необратимости произошедшего.

Он проиграл множество партий при дворе. Проигрывал интриги, терял состояния, отдавал долги короны из своего кармана. Но здесь, на краю света, правила изменились. Здесь не было паркетных льстецов и отравленных кубков. Был только ландшафт, погода и сталь.

Из темноты показалась высокая фигура. Человек был одет в простую дорожную мантию, покрытую дорожной пылью, но даже она не могла скрыть властности осанки. Это был Маркус, единственный маг ветра, согласившийся пойти с Сергеем в ссылку за списание картонных долгов. — Западный склон чист, господин, — доложил маг, грея тонкие пальцы у огня. — Я поставил сторожевые воздушные линзы. Если хоть одна мышь пересечет периметр, мы узнаем. Но должен предупредить: буря идет с севера. Настоящая. Старая кровь чувствует такие вещи острее барометра.

— Буря — это хорошо, — отозвался Сергей. — Ветер наполнит наши паруса, когда мы начнем сплавлять лес. Укрой раненых вторым пологом. И иди спать, Маркус. Сегодня ты отработал свое жалование трижды.

Маг поклонился и растворился в тенях между повозками.

Сергей остался один. Огонь отражался в его зрачках. Он смотрел на юг — туда, где за сотнями миль туманов и лесов сидел в теплом шатре король Всеволод. Король наверняка уже пил подогретое вино и смеялся шуткам фаворитов, считая, что избавился от неудобной пешки.

«Ты подписал бумагу, брат, — подумал Сергей, мысленно обращаясь к монарху через расстояние и непогоду. — Ты подарил мне клочок мертвой земли. Но забыл одну деталь. Любая бумага горит. А любая земля становится твоей только тогда, когда ты поливаешь её не метафорической, а настоящей кровью. И учишься пить взамен».

Он зачерпнул из лужи рядом с костром пригоршню холодной дождевой воды. Выплеснул её себе в лицо, смывая остатки чужой крови. Провел ладонями по коротким волосам.

Волчья Пустошь дышала холодом. Она проверяла его на прочность каждым порывом ветра, каждой каплей ледяного дождя.

Сергей запрокинул голову, подставляя лицо небесной воде. Он не прятался от стихии. Он принимал её вызов.

— Теперь это мой дом, — прошептал он в темноту. И впервые за вечер в его голосе прозвучала не холодная угроза победителя, а спокойная уверенность хозяина, делающего ревизию имущества. — Разбудите меня, когда начнется буря. Хочу встретить её снаружи.

Он лег на промерзшую землю, подложив под голову свернутый плащ, и закрыл глаза. Впервые за десятилетие ему снился не дворец, не звон золота и не лица предателей. Ему снились чертежи крепостей, линии будущих дорог и глубина черного торфяника, готового отдать свои тайны тому, кто достаточно безумен, чтобы их потребовать.

Глава 2. Замок Соколиной Скалы

Снег пошел на рассвете третьего дня пути от Волчьей Пустоши. Сначала это были редкие, крупные хлопья, лениво кружащиеся в стылом воздухе. К полудню небо окончательно затянуло свинцовой пеленой, и белая крупа повалила сплошной стеной, съедая горизонт.

Колонна графа ди Фальконе растянулась по Старому тракту почти на лигу. Впереди тяжело ступали боевые дестриэ — огромные кони-тяжеловозы, запряженные цугом в крытые фургоны с припасами и ранеными. За ними месили грязь и снег сотни пехотинцев. Это уже не был тот блистательный полк, что вышел из столицы месяц назад. Лица солдат почернели от копоти походных костров и недосыпа, кожаная сбруя потрескалась, а сталь мечей покрылась пятнами ржавчины, которую никто не успевал чистить после бесконечных стычек с дезертирами барона Ульриха. Но шаг их оставался твердым. Они шли за своим графом.

Сергей ехал во главе колонны верхом на своем вороном жеребце Химере. Доспех он сменил на тяжелый кожаный дублет с нашитыми стальными пластинами — практичную одежду северного пограничника. Широкий плащ из волчьего меха покрылся толстым слоем инея. Граф не чувствовал холода. Внутри него горел ровный, обжигающий огонь той самой ночи на поле боя. Он смотрел вперед, сквозь белую мглу, туда, где должен был возвышаться его новый дом.

Дорога сделала резкий поворот, огибая исполинский базальтовый утес, похожий на клюв хищной птицы. И Сергей впервые увидел Соколиную Скалу.

Замок не стоял *на* скале. Он вырос из нее. Древнее сооружение времен Первой Империи, сложенное из циклопических глыб темно-серого камня, казалось естественным продолжением горы. Две центральные башни-близнецы пронзали низкие облака, словно каменные пальцы, пытающиеся проткнуть само небо. Стены замка опоясывали утес неровным кольцом, спускаясь уступами вниз, к замерзшему руслу реки Быстрицы.

Но величие давно умерло.

Знамена над главными воротами истлели до состояния грязных тряпок. Южная башня зияла проломом прямо посередине — след давнего удара осадного тарана или землетрясения, который так и не заделали. Деревянные галереи между стенами прогнили, многие секции обрушились, оставив лишь черные штыри балок. Главная привратная решетка висела криво, заклинившая на высоте трех футов над землей. Сам двор перед замком представлял собой смерзшееся болото из конского навоза, битого льда и золы.

— Вот мы и дома, мессир? — голос капитана Гвидо вырвал Сергея из оцепенения. Капитан подъехал вплотную, кутаясь в мех. Его раненое бедро заживало плохо, но капитан отказывался пересесть в фургон. — Выглядит... гостеприимно. Если вы любите сквозняки и ревматизм.

Сергей молча спешил. Снег хрустнул под его сапогами с непривычной для города громкостью. Тишина здесь была абсолютной. Не было слышно даже карканья ворон — птица обходила эти места стороной. Только завывание ветра в бойницах башен да скрип промерзшего дерева флагштока.

Граф подошел к закрытым главным воротам. Толкнул их рукой в латной перчатке. Массивные створки дрогнули, исторгнув звук, похожий на стон умирающего зверя, но не сдвинулись ни на дюйм. Их удерживал лед, намерзший в петлях толщиной с руку. — Интендант Борин! — крикнул Сергей, не оборачиваясь. Из хвоста колонны, проваливаясь в сугробы, выбежал тучный человек в добротном суконном кафтане. Интендант кутался в три слоя одежды, его нос покраснел от мороза, а глаза бегали с испуганной поспешностью человека, привыкшего считать монеты в теплых казначействах, а не мерзнуть на границе. — Здесь, ваша светлость! — Почему ворота закрыты? — спокойно спросил Сергей. — Так ведь того... зима пришла раньше срока, господин граф! — залепетал Борин, утирая лоб рукавом. — Старый

кастелян покойного барона сказал, что гарнизон ушел еще весной, ловить мятежников. Замок пустовал. Мы думали, вы прикажете разбить лагерь внизу, в долине, там лес есть...

Сергей медленно повернул голову. Взгляд его прозрачных серых глаз заставил интенданта поперхнуться собственным дыханием. — Я приказал взять замок, Борин. Слово «пустой» означает, что внутри нет врагов. Оно не означает, что там можно гадить под стены. Открывайте. — Мессир, у нас нет тарана, инструменты остались в третьем обозе, который отстал из-за сломанной оси... — попытался вставить слово один из лейтенантов.

Сергей сделал два шага к воротам, примерился плечом к массивному полотну обитого железом дуба. Ветер трепал его волосы. — Гарнизон строится вдоль правой стены, — бросил он через плечо, не повышая голоса. — На счет три толкаем все вместе. Кто останется стоять — чистит нужники до весны. Раз... Два...

Он уперся ногами в землю. Напряглись мышцы спины, вздулись жилы на шее. — Три! Раздался чудовищный треск. Это лопнул не только лед в петлях. Подалось само дерево, изъеденное временем и сыростью. Правая створка сорвалась с верхней петли и рухнула внутрь двора, подняв облако ледяной пыли и гнилого сора. Левая жалобно заскрипела и открылась ровно настолько, чтобы пропустить одного всадника.

Сергей вошел первым. Внутренний двор встретил его запахом запустения. Смесь мокрой псины, плесени и чего-то сладковато-гнилостного, идущего от колодца в центре площади. Следы прежней жизни валялись под ногами: разбитый глиняный горшок, детская деревянная игрушка-лошадка, втопанная в грязь, проржавевшая алебарда без древка.

— Бланш остается в главном фургоне, пока я не дам сигнал, — тихо произнес Сергей, обращаясь к капитану Гвидо, но глядя на темные провалы окон донжона. — Амалия пусть сидит рядом с матерью. Никому не выходить без моего приказа. Оружие держать наготове. Проверьте колодец первой же чаркой воды. Если кто-то умрет от дизентерии в первый день, духи этого места будут смеяться слишком громко. — Понял, мессир, — кивнул Гвидо и отъехал командовать авангардом.

Спустя полчаса хаос вторжения начал обретать структуру. Солдаты, ругаясь на чем свет стоит, разгребали снег и выносили из-под навесов околевшие трупы собак и кошек, оставшихся от старого гарнизона. Лучники занимали позиции на стенах, ежась от пронизывающего ветра. Маркус, маг воздуха, бледный как полотно, ходил вдоль основания главной башни, водя руками над камнями и что-то беззвучно шепча — проверял фундамент на наличие древних проклятий или структурных трещин.

Наконец тяжелые двери главного донжона поддались усилиям штурмовой группы с бревном-пробоем. Из темноты пахнуло теплом. Затхлым, спертым, но живым теплом жилого помещения.

Сергей поднял масляный фонарь, который подал ему оруженосец, и шагнул внутрь. Главный зал Соколиной Скалы напоминал пещеру троглодитов. Потолок терялся во мраке, поддерживаемый толстыми колоннами, вырезанными из цельного ствола черного дуба. Пол был устлан сгнившей соломой, перемешанной с костями птиц — соколятня на верхнем ярусе давно осыпалась, и падальщики годами кормились здесь. Огромный очаг в дальнем конце зала был забит мусором.

На высоком кресле лорда, больше похожем на деревянный трон дикаря, сидел человек. Он был одет в остатки некогда богатого бархатного колета, теперь висащие на иссохшем теле мешком. Редкие седые волосы прилипли к черепу, покрытому старческой гречкой. Желтая пергаментная кожа туго обтягивала кости. Когда дверь открылась, человек даже не пошевелился, вперив мутный взгляд в противоположную стену. Рядом с ним на полу стояла оловянная плошка с замерзшим супом.

— Ты кто? — спросил Сергей, останавливаясь в десяти шагах. Руку с эфеса он не убирал. Старик медленно перевел на него бельма выцветших глаз. Губы его дрогнули, раздвигаясь в

улыбке, обнажающей черные пеньки зубов. — Я жду ужин, — прошептал он. Голос был сухим, как шелест осенних листьев. — Барон Родион обещал прислать свинину. Давно жду. Мясо всегда приходит зимой.

Сергей опустил фонарь ниже. Он узнал этот тип безумия. Не боевой шок, не лихорадка. Тихое, сытое сумасшествие выжившего среди костей своих близких. — Где остальные люди барона? — Ушли, — пожал плечами старик. — Сказали, тут холодно. А мне оставили ключ. Сказали, стеречь серебро. Серебро тяжелое. — Старик указал дрожащей рукой на сундук в углу. — Я стерег. Хорошо стерег. Никто не взял.

Граф подошел ближе. От старика пахло мочой и старым сеном. — Как тебя зовут? — Этьен. Я мажордом. Был мажордомом. При отце нынешнего... то есть, прошлого барона. Хорошее было время. Тогда вино не скисало в погребах. А потом пришли налоги. Потом война. Потом голод. Ели солому, милорд. Крыша течет.

Сергей посмотрел на потолок. Действительно, сквозь щели в черных балках медленно сочилась талая вода пополам со снегом, падая точно в центр залы. — Этьен, ты пережил свою полезность, — сказал граф мягко, почти ласково. — Но ты честно сторожил серебро. Это достойно уважения.

Он вынул из ножен кинжал. Старик-управляющий проследил за движением лезвия равнодушным взглядом. Для него смерть была лишь очередным гостем, который долго задержался на пороге.

Сергей быстрым, точным движением перерезал старику горло. Этьен булькнул, захлебываясь собственной кровью, дернулся и обвис в кресле. Глаза его наконец обрели ясность, увидев нечто за пределами этой грязной залы.

Граф вытер клинок о рукав мертвого тела и убрал кинжал. Он не испытывал ни жалости, ни жестокости. Лишь санитарную необходимость. Безумный мажордом мог ночью спуститься в погреб, спутав бочонок вина с гранатой, или открыть ворота бродячим разбойникам, приняв их за старых друзей.

— Борин! — рявкнул Сергей, выходя обратно на крыльцо, где уже начиналось шевеление армии. Интендант подбежал, поскальзываясь. — Да, мой лорд! — Этот хлам сжечь, — Сергей кивнул на главный зал. — Вместе с бывшим хозяином. Зал промыть щелоком и уксусом. Завтра утром я хочу видеть там столы. Найди сухие доски хоть из собственных телег. Очаг вычистить до кирпича. Мне нужен жар такой, чтобы плавилось железо. Всю солому из тюфяков вытряхнуть, прожарить на огне и набить заново свежим лапником. Людей разместить по комнатам согласно рангу. Рыцарей — парами, пехоту — десятками. Никакого сна на голой земле. Те, кто спит в снегу, завтра не смогут держать оружие. — Будет исполнено, мессир! Но... простите мою дерзость... дров хватит едва на неделю. Лес далеко, рубить некому, топоры тупые...

Сергей положил тяжелую руку на пухлое плечо интенданта. Лицо графа оказалось так близко, что Борин почувствовал запах озона и крови, исходящий от господина. — Запомни правило номер два, Борин. В моем доме никогда не говорят «нет». Говорят «как сделать». У замка есть каменоломня в четверти мили к северу. Там гранит. Гранит греет плохо, зато он вечный. Отправь две сотни пехоты с кирками. Пусть начнут добычу немедленно. Маг Маркус обеспечит освещение. Топоры кузнец переточит сегодня же. Если кузнец скажет, что у него кончился уголь, отправишь его самого в печь вместо угля. Свободен.

Борин побледнел до оттенка скисшего молока, судорожно кивнул и метнулся прочь отдавать распоряжения, выкрикивая команды фальцетом.

Пока солдаты с факелами начали очищать внутренний периметр, разгоняя тьму и тени, задняя дверца хозяйского фургона, стоящего под защитой арки ворот, бесшумно отворилась.

Первой вышла Бланш ди Фальконе. Ей было сорок пять, но северное солнце и долгие годы странствий сохранили её красоту, превратив её в благородную чеканку. Вместо тяжелых дорожных платьев она надела простую шерстяную робу темно-синего цвета, поверх которой

был повязан белый льняной передник целителя. Её руки, тонкие и изящные, сейчас держали объемистую плетеную корзину, укрытую холстиной. Она двигалась с удивительной легкостью, игнорируя грязь под ногами. Там, где проходила графиня, самые угрюмые ветераны невольно распрямляли плечи. Один молодой лучник, которому осколком стрелы рассекло бровь, замер, когда Бланш остановилась рядом и чистым платком промокнула кровь с его лица. Она ничего не говорила, просто смотрела на него своими огромными, влажными карими глазами, полными такого глубокого покоя, что боль солдата отступила сама собой.

Следом показалась Амалия. Девушка двадцати лет, гибкая как ивовый прут, одетая вопреки всем приличиям в мужской охотничий костюм — высокие сапоги, штаны из мягкой кожи и короткий колет. Темные волосы были туго заплетены в косу и убраны под кожаный шнурок, чтобы не лезли в глаза. В отличие от матери, чье лицо источало смирение, черты Амалии дышали нетерпением и острым, оценивающим любопытством. Она шурилась, оглядывая разрушенные галереи и высоту стен, словно измеряла их шагами.

— Отец велел вам оставаться в фургоне, юная леди, — строго заметил лейтенант охраны, выступая из тени. — Мой отец командует армией, а не моими мыслями, — отрезала Амалия, отстраняя его рукой. Она подошла к Сергею, который в этот момент раздавал указания мастерам осадных орудий относительно ремонта требушета. — Стены сыплются, — констатировала девушка, задрав голову и рассматривая зубцы южной куртины. — Северный ветер выдул расщелины из швов. Башня упадет при первом серьезном штурме.

Сергей закончил фразу, отдал приказ подмастерью и только тогда взглянул на дочь. Уголки его губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки. — Рад, что мои деньги на твоих учителей фортификации не пропали даром, Аль. Добро пожаловать домой. — Дом выглядит как склеп, в котором забыли похоронить мертвеца, — Амалия сморщила нос, учуяв запах дыма от сожжения останков в зале. — Зачем нам эта дыра? Южный предел куда богаче землями. — Эта «дыра», дочь моя, контролирует единственный проход через Каменный Кряж, по которому Дикие земли могут вывести свои орды к нашим пахотным угодьям, — терпеливо пояснил Сергей. — Тот, кто держит Соколиную Скалу, держит ключи от всей северной провинции. Богатство нужно защищать. Кроме того, камни нельзя отравить на пиру.

Амалия посмотрела на отца долгим взглядом, затем перевела глаза на мать. Бланш как раз доставала из корзины свертки с чистой тканью и мази, направляясь к группе раненых, которых уже начали стаскивать под защиту стен. — Мама будет плакать неделю, — тихо сказала Амалия. — Мама сделает этот склеп пригодным для дыхания к вечеру, — возразил Сергей. — В этом разница между нами. Мать лечит раны тех, кто снаружи. Моя задача — сделать так, чтобы раны перестали появляться. Осмотри восточную стену. Ту, что спускается к реке. Меня беспокоит промоина у основания. Возьми двух сержантов, факелы, но дальше первого подземного уровня не суйся. Если услышишь шипение или увидишь зеленый туман — беги. Там старые имперские катакомбы, они любят травить гостей болотным газом.

Амалия просияла. Ей не нужны были куклы или лютня, чтобы скоротать вечер. Настоящим подарком для неё было доверие. — Я возьму Рольфа, он умеет читать следы. И молодого мага, если Маркус перестанет блевать от запаха тлена. — Договорились. Докладывай каждые полчаса.

Девушка коротко кивнула отцу, отсалютовала капитану Гвидо, который наблюдал за спешной с отеческой усмешкой, и легкой, пружинистой походкой отправилась выполнять поручение. Она перепрыгнула через лужу нечистот так грациозно, будто танцевала на королевском балу.

Бланш закончила перевязывать последнего солдата. Раненый, совсем мальчишка, пытался поцеловать край её платья, лепеча слова благодарности. Она мягко остановила его, вложив в свободную руку кусок твердого сыра. — Береги силы, воин. Тебе понадобятся они, чтобы достроить крышу над моей головой, — услышал Сергей её тихий голос.

Она подошла к мужу. Встала рядом, прижавшись плечом к его плечу. Ростом она едва доставала ему до подбородка. — Они боятся, — сказала Бланш, глядя на суесящихся внизу людей. — Холод страшнее копий варваров. — Пусть лучше боятся меня, чем холода, — ответил Сергей, но в голосе не было жесткости. Говоря с женой, он становился другим человеком — тише, глубже. — Как твоя голова? Дорога вымотала тебя. — Ваша дорога, муж мой, выматает и камень, — Бланш слабо улыбнулась. — Но пульс ровный. Я распорядилась вскипятить всю воду, какую найдут. И послала людей собрать ягоды можжевельника и сосновую хвою. Пока ваши солдаты машут кирками, мои заварят отвар. Иначе завтра половина полка свалится с кашлем. Целительство начинается с кухни, Сергей. Даже в крепости.

Сергей обнял её одной рукой, притягивая к себе. От её волос пахло лавандой — крошечный флакон духов был единственной роскошью, которую она взяла из столичного особняка. Этот запах казался совершенно невозможным посреди ледяного ада Соколиной Скалы. — Делай всё, что считаешь нужным, сердце мое. Бюджет Бороина теперь принадлежит тебе. Купи еды, найми любых баб из окрестных деревень, которые умеют готовить, обещай им защиту. Мне нужна армия, которая может сражаться, а не блюющая желчью. — Армии нужно тепло, — Бланш подняла на него глаза. В свете факелов они казались двумя темными омотами. — Первым делом я распоряжусь разобрать те гнилые галереи на дрова. Архитектурная ценность этих трухлявых деревяшек равна нулю. — Распорядись, — кивнул Сергей. — А вторым делом найди мне нормальные окна. Или хотя бы плотную промасленную ткань. Я не могу планировать кампанию против Диких земель, если у меня чернила замерзают в чернильнице.

Они стояли неподвижно несколько минут, наблюдая за рождением своего нового мира. Армия обживалась. Зазвенели первые удары молотков — кузнец развернул походную кузню прямо на вымостке двора. Заскрипели лебедки — поднимали на стены запасные кипы стрел. Громкий бас капитана Гвидо материл интенданта за плохую кожу на ремнях. Жизнь сопротивлялась смерти.

— Знаешь, что самое смешное, Бланш? — вдруг нарушил молчание Сергей. — Что, дорогой? — Король думает, что отправил меня сюда умирать. Медленно, от голода и скуки. Он считает, что стена защищает тех, кто внутри, от тех, кто снаружи. — А на самом деле? — спросила жена. — На самом деле стена нужна, чтобы те, кто снаружи, не увидели, насколько нам здесь нравится, — Сергей поцеловал жену в холодный лоб. — Пойдем. Покажу тебе нашу спальню. Там наверняка живут замечательные крысы размером с собаку. Поможешь мне выбрать самую жирную на ужин.

Бланш тихо засмеялась. Звук её смеха, чистый и живой, прокатился по внутреннему двору, перекрывая вой ветра. Несколько солдат обернулись на него, недоуменно хмурясь, а затем неуверенно заулыбались сами. Впервые за много дней они слышали смех под этими стенами.

Амалия вернулась спустя час. Щеки её покраснелись от морозного ветра и лазания по лестницам, на коленях штанов темнели пятна сажи, но глаза блестели азартом исследователя. — Восточная стена простоит еще сто лет, если расчистить дренажные трубы, — выпалила она с ходу, подходя к отцу, который в этот момент изучал помятую карту северных территорий, расстеленную на перевернутой бочке. — Промоина сухая, это просто размыло старую ливневку. Зато я нашла кое-что получше.

Сергей поднял голову от карты. Рядом с ним на бочке лежал обнаженный бастард — граф правил лезвие точильным камнем, методичными движениями проводя сталь по бруску. *Шиширк-шиширк*. — Нашла тайный ход? Золото предков? Скелет предыдущего инспектора короля? — поинтересовался он, не прекращая своего занятия. — Лучше, — Амалия проигнорировала сарказм. — Северное крыло. Третий этаж. Там библиотека. Вернее, то, что от неё осталось. Книги не сгнили. Их просто использовали для растопки предыдущие хозяева. Но

своды там древние, кладка двойная. И главное... — девушка сделала драматическую паузу, подражая бродячим актерам. — Там идеальная акустика. Ни единого сквозняка. Я согнала оттуда семейство летучих мышей. Место ваше, отец. Можете ставить свой стол. Ваши генералы не простудят мозги, планируя войну.

Сергей отложил точильный камень. Он внимательно посмотрел на дочь. Двадцать лет. Возраст, когда девицы высшего света должны падать в обморок от вида паука и обсуждать фасоны шляпок. Его дочь интересовалась углом наклона внешней эскарпы и состоянием водосточков. Иногда ему казалось, что природа, создавая Амалию, просто ошиблась формой тела. — Мышей выгнала лично? — Палкой, — гордо кивнула Амалия. — Одной пришлось дать по носу, она наглая. Рольф говорит, что нашел следы кабана у кухонного входа. Предлагает загнать зверя завтра. Мясо лишним не будет. — Кабан — это хорошо, — согласился Сергей. — Передай Рольфу, что если принесет кабана, получит новые сапоги. Если кабан принесет его самого — похороним с почестями.

Он встал, разминая затекшую спину. Обвел взглядом внутренний двор. Порядок восторжествовал. Горели костры, над которыми уже подвешивали котлы. Раненые получили чистые повязки благодаря хлопотам Бланш. Требушет выглядел менее угрожающе для самих артиллеристов.

— Стройте мне стол в библиотеке, — распорядился граф. — Большой. Из сухого дуба. Восемь локтей в длину. Борину скажи, чтобы нашел краску. Мне нужна карта всего севера, нанесенная прямо на столешницу. Постоянная. Чтобы каждый новоприбывший видел масштаб нашей нищеты и наших амбиций одновременно. — Краска будет, — кивнула Амалия. — Я видела в вещах интенданта бочонок охры. Он хотел продать её маркитантам, но я намекнула, что умею рисовать узоры на лицах пленных перед допросом. Охра теперь наша.

Сергей искренне расхохотался. Громко, от души, запрокинув голову. Смех эхом отразился от стен замка, пугая караульных наверху. — К демонам маркитантов. Мы сами станем торговцами, Аль. Самым редким товаром на севере — безопасностью. А теперь иди. Найди мать. Скажи, что южную галерею можно смело жечь, твой отец дает полное благословение. И захвати по дороге мой теплый плащ. Ночь обещает быть долгой. Нам предстоит посчитать каждую монету, каждую стрелу и каждого живого человека.

Амалия козырнула двумя пальцами и упорхнула исполнять поручения. Сергей проводил её взглядом. К нему подошел Гвидо. Капитан тяжело опирался на самодельный костыль, но его глаза смотрели ясно. — Крепость дурная, старая, продуваемая всеми ветрами, — сказал ветеран. — Гарнизона дай бог на треть стен. Продуктов на декаду боевого пайка. Нас сбросят с этой скалы ко второму месяцу зимы, мессир. Варвары из Леса чувствуют слабость быстрее волков.

Сергей застегнул верхнюю пряжку своего дублета. Достал из поясного кошелька тяжелый бронзовый ключ — ключ от главных ворот, снятый с пояса мертвого мажордома Этьена. — Именно поэтому мы победим, Гвидо, — сказал он, поворачивая ключ в воображаемом замке. — Потому что любой разумный командир отошел бы в долину, поставил теплые шатры и стал ждать весны. Любой, кроме приговоренного.

Он вставил ключ в огромную скважину внешних ворот. Металл лязгнул о металл. Сергей провернул ключ дважды. Сухой щелчок механизма прозвучал в наступающих сумерках как выстрел. Затем граф вытащил ключ, размахнулся и швырнул его в темноту за пределы замка. Бронза тускло сверкнула в полете и исчезла в глубоком снегу.

Гвидо моргнул, открыв рот. — Зачем?.. — Затем, что мосты сожжены, — ответил Сергей, поворачиваясь к своему новому дому. — Обратной дороги нет. Теперь единственная дорога ведет вверх. Эти стены либо станут нашими костями, либо нашей короной. Третьего не дано.

Он поднялся по ступеням парадного входа, перешагивая через обломки дверей. Оглянулся на капитана: — Проследи, чтобы котел с похлебкой поставили прямо у входа в библиотеку. Сегодня ночью я буду работать. И я чертовски проголодался.

Дверь донжона закрылась за ним, отсекая ледяной ад внешнего мира. Внутри, в постепенно прогреваемом чреве Соколиной Скалы, граф Сергей ди Фальконе собирался начать завоевание второй раз. Первый раз он завоевал эту землю силой оружия. Второй раз ему предстояло завоевать её разумом, волей и голодом.

Глава 3. Мятеж в Низинах

Первый год правления графа ди Фальконе на Соколиной Скале пах не лавандой и старым пергаментом, как жизнь при дворе короля Всеволода. Он пах мокрой известью, горячей смолой, свежеспиленным сосновым лесом и человеческим потом.

Год назад они вошли в мертвую крепость. Сегодня над провалами бойниц уже высились новые деревянные галереи с навесами из воловьих шкур, защищающие часовых от ледяного ветра. Главная башня обзавелась плотными ставнями, а вечно сырые подземелья наконец-то высохли благодаря системе вентиляции, которую Амалия начертила углем прямо на полу библиотеки, пока отец спал за столом три часа между двумя военными советами. Замок перестал быть склепом. Он стал ульем.

Сергей стоял у огромного окна своего нового кабинета — той самой библиотеки на третьем этаже северного крыла. Стекло здесь было непозволительной роскошью; проем закрывала толстая бычья пленка, натянутая на дубовую раму, но даже через неё открывался впечатляющий вид. Внизу, в долине Быстрицы, кипела работа. Там, где раньше были лишь гнилые лачуги старого рыбацкого поселка, теперь рос Новый Посад. Прямые улицы, выложенные камнем дренажные канавы, длинные бараки для сезонных рабочих и первая общественная баня, дым из трубы которой валил столбом круглые сутки.

— Еще один обоз с зерном ушел на юг два часа назад, мессир, — голос Борина вырвал графа из задумчивости. Интендант больше не трясся от страха. За год он похудел, загорел дочерна и научился спать по четыре часа. Его кафтан лоснился, но был добротным, а на поясе висели ключи от новых амбаров. — Мастер-каменщик докладывает, что кладка южной куртины завершена. Раствор схватится до морозов. Просит прибавки к жалованью, говорит, потерял два пальца на прошлой неделе. — Пальцы дай ему серебром, по весу, — не оборачиваясь, распорядился Сергей. — А жалованье оставь прежним. Если он доживет до весны без новых потерь — получит премию. Где сводка по урожаю?

Борин протянул свиток. Сергей развернул его. Цифры плыли перед глазами. Рожь дала вполовину меньше ожидаемого. Ячмень побило градом. Лето выдалось холодным и дождливым, редкое солнце выглядывало лишь для того, чтобы высушить землю до состояния камня перед очередным ливнем. Север сурово экзаменовал своего нового хозяина.

— Запасы в главном хранилище... — начал Борин. — Заканчиваются, — закончил за него Сергей. — Я умею читать, интендант. Мы кормим полторы тысячи ртов. Свои войска, гарнизоны малых фортов, строителей и беженцев из Диких земель. При текущем потреблении зерна нам хватит до Крещения. Это если варить болтушку из коры. Если печь хлеб — до середины ноября. — Налоговые поступления из Низин задерживаются, — осторожно добавил Борин. — Староста Дубового Лога прислал голубя. Говорит, мужики бузят. Не дают везти десятину. Грозятся сжечь мельницу Мартина.

Сергей медленно свернул свиток. Тишина в кабинете стала плотной, как вода. Год дисциплины, стальных кулаков и жестких законов создал порядок. Но порядок стоит на фундаменте сытости. Голод превращает самых верных подданных в самых опасных зверей быстрее, чем любая вражеская пропаганда.

— Собирай малый совет, — сказал граф. — Через полчаса. Всех: Гвидо, Маркуса, начальника стражи. И позови Амалию. — Слушаюсь. Позвать госпожу Бланш? — Нет. Мать останется здесь. У нас начинается эпидемия кашля среди новобранцев, ей нужны здоровые руки для лазарета. Мы поедем сами.

Амалия вошла стремительно, на ходу застегивая ремешки кожаного панциря. За прошедший год она вытянулась, движения её стали еще более резкими, точными, лишенными всякой

женской суетливости. На поясе девушки висел тонкий эсток, а за спиной — легкий арбалет. — Буря? — коротко спросила она, глядя на мрачное лицо отца. — Голод, — поправил Сергей. — Что хуже. Готова ехать в грязь? — Я родилась в седле, отец. Кто бунтует? — Наши благодетели из Дубового Лога. Те самые, кому мы дали плуг и защиту от лесных дикарей вместо их деревянных вил. Они решили, что раз мы построили им каменные дома, то еда появляется в них сама собой.

Через сорок минут ворота Соколиной Скалы открылись. Отряд выехал компактный, но внушающий уважение: двадцать латников личной гвардии Сергея в полном доспехе, скрипящий фургон, груженный мешками с зерном из неприкосновенного запаса (граф приказал взять самое лучшее зерно, оставив себе плесень), и легкая двуколка, в которой ехали сам граф и дочь. Капитан Гвидо порывался сесть в седло, несмотря на хромоту, но Сергей запретил. Советнику нужен свежий разум, а тряска верхом на протяжении десяти часов этому не способствует.

Дорога вниз, в Низины, заняла весь день. Осень вступила в свои права окончательно. Лес вдоль тракта стоял черный, мокрый, сбросивший листья. Копыта коней вязли в раскисшей глине. Чем ниже они спускались с каменистого плато Соколиной Скалы, тем тяжелее становился воздух. Здесь пахло стоялой водой, торфом и бедностью.

К деревне Дубовый Лог они подъехали в густых синих сумерках. Обычно поселение встречало путников лаем собак и светом окон. Сейчас же навстречу им встала глухая тишина. Ворота частокола, которым Сергей лично велел огородить деревню от лесных хищников, были распахнуты настежь. На единственной площади горел огромный костер, сложенный из мебели и остатков забора. Вокруг огня сгрудилось человек двести. Мужики с топорами, косами и переделанными в копыя цепами. Женщины стояли позади, прижимая к себе детей, лица которых казались белыми пятнами в свете пламени.

Сергей остановил двуколку шагах в пятидесяти от толпы. Толпа заметила их только сейчас. Гомон стих. Сотни глаз уставились на всадников в вороненых латах. Граф тяжело спрыгнул на землю. Грязь чавкнула, принимая вес его тела. Он отстегнул плащ, бросил его на сиденье повозки, оставшись в одном дублете. Холодный ветер тут же пробрал его до костей, но граф проигнорировал это. Он сделал несколько шагов вперед, выходя на границу света от костра.

— Я смотрю, гостеприимство в Низинах всё такое же пылкое, — голос Сергея прозвучал ровно, без угрозы, но каждое слово долетало до последнего ряда мятежников. — Вы сожгли свой собственный забор. Теперь медведям будет проще зайти к вам в гости ночью. Или вы планируете жарить их на этом огне?

Толпа колыхнулась. Вперед выступил широкоплечий детина с лицом, заросшим бородой до самых глаз. В руках он сжимал массивную дубовую дубину, усаженную гвоздями. Мартин, староста. Тот самый, которому Сергей когда-то дал золото. Сейчас глаза Мартина были безумными, а золотой нобиль давно проеден или спрятан. — Хлеб давай! — прохрипел староста. Голос его сорвался на визг. — Зерно! Ты увез последнее на свою проклятую скалу, барон! Дети пухнут! Мы жрем кору! — Вы жрете кору, потому что пропили весенние посевы, — отрезал Сергей. — Я видел бочки с брагой в ваших сараях, когда проезжал мимо неделю назад. Брага важнее хлеба? — То для праздника урожая было! — крикнули из толпы. — По обычаю! — Обычай хорош, когда брюхо полно, — парировал граф. — Когда оно пусто, обычай называется глупостью. Кто старший кроме этого крикуна?

Мужики замялись. Никто не хотел выходить вперед. Наконец, растолкав локтями соседей, из толпы вышел пожилой крестьянин с рассеченной губой. Он низко поклонился, едва не упав лицом в грязь. — Кузнец я, ваша милость. Игнат. Люди говорят... люди говорят, вы приехали пороть и вешать. Из-за десятины.

Сергей перевел взгляд на кузнеца. Затем медленно растегнул пояс с мечом. Оружие со звоном ударилось о подножку двуколки. Вслед за поясом на землю полетели кинжал и наручи. Граф остался совершенно безоружным перед вооруженной толпой. Капитан Гвидо дернулся в

седле, хватаясь за рукоять фальшиона. — Стоять, — тихо, но так, что услышали все, произнес Сергей.

Он пошел прямо к костру. Мужики расступались перед ним, как трава расходитс перед лезвием косы. Никто не преградил путь. Граф остановился в трех шагах от Мартина. Староста поднял свою шипастую дубину, намереваясь опустить её на голову обидчика.

Сергей посмотрел ему в глаза. — Опусти палку, Мартин. Ты мне должен объяснение. — Я тебе ничего не должен! — взревел староста, замахиваясь. — Кровопийца! Королевский пес!

Дубина пошла вниз. Любой воин принял бы удар на щит или увернулся. Сергей просто шагнул *вперед*, сокращая дистанцию до невозможной. Удар тяжелой деревяшки пришелся вскользь по его плечу, скользнув по дублету. Не сбившись с шага, граф перехватил руку Мартина своей левой рукой, сжав предплечье так, что хрустнули кости. Правой ладонью он нанес короткий, жестокий удар открытой перчаткой прямо в рот старосты.

Хруст сломанной челюсти утонул в общем вздохе толпы. Мартин выпучил глаза, выпустил дубину и рухнул на колени, захлебываясь собственной кровью и выбитыми зубами. Он пытался кричать, но получался только булькающий хрип.

— Вот твой ответ, — спокойно сказал Сергей, отпуская его. — Первый закон этой земли: оружие поднимают на врага. На господина указывают пальцем. Палец рубят, оружие ломают о хребет владельца.

Граф повернулся к Игнату-кузнецу: — Десятина отменяется. В толпе прошелестел единый изумленный выдох. Кто-то из женщин перекрестился. — До следующего года, — уточнил Сергей, повысив голос, чтобы перекрыть шум. — Весь урожай этого года остается в деревнях. Каждое село составляет списки. Детей до десяти лет, беременных женщин и стариков старше шестидесяти. Списки принесете моим людям завтра утром. По этим спискам мои фургоны привезут вам зерно. Из моих личных запасов. Бесплатно.

Тишина, наступившая после этих слов, была оглушительнее любого крика. Люди смотрели на графа так, будто у него выросла вторая голова. Логика феодала гласила: голод — повод усилить сбор налогов, чтобы компенсировать потери казны. Этот сумасшедший собирался кормить их за свой счет.

— Зачем? — выдавил из себя кузнец Игнат, недоверчиво шурясь. — Какая вам с того польза? Король заберет вашу голову за разбазаривание фуража. — Королю плевать на ваши кишки, Игнат. Ему нужна цифра в отчете. Мне нужно, чтобы весной эти поля кто-то вспахал, — Сергей ткнул пальцем в сторону черной, размокшей пашни. — Мертвые не пахнут. Если вы умрете сейчас от голода, следующей весной Дикие земли перейдут реку по вашим трупам и вырежут мою Соколиную Скалу вместе со мной. Моя выгода проста: живые работники лучше мертвых святых.

Он подошел к своему фургону. Двое гвардейцев откинули борт. — Но дисциплина никуда не делась, — продолжил граф, возвращаясь к костру. Рядом с ним гвардейцы начали методично разгружать мешки, выкладывая их полукругом на земле. — Огонь потушите. Деревня спит в своих домах, а не греется на площади. Зачинщики пойдут со мной. Не на виселицу. Работать. — Каменоломня?! — ахнул кто-то. — Да там ноги оставляют за неделю! — Нет. Хуже, — впервые за вечер улыбнулся Сергей. Зубы блеснули в темноте опасно и весело. — Вы пойдете строить сортиры в Новом Посаде. Глубокие, каменные, с системой отвода. Работа грязная, вонючая, но теплая. Вас будут кормить трижды в день мясной похлебкой. Через месяц, когда поймете разницу между смертью в собственном дерьме здесь и жизнью там, решите сами, где остаться. Желających вернуться домой отпустим. С плетью, чтобы помнили вкус каши, которую получили даром.

Мартин попытался ползти прочь, но двое латников легко подняли его за шкурку, как котенка. Староста выл от боли, мотая разбитой головой. — Этого — отдельно, — кивнул на него Сергей. — В клетку. Пусть смотрит, как едят другие. Пока не вспомнит свое имя.

Амалия всё это время стояла чуть позади двуколки. Она не произнесла ни слова. Её пальцы сжимали край деревянного борта так, что побелели костяшки. Девушка наблюдала. Как отец управляет пространством. Как одно точное, быстрое действие — сломанная челюсть — заменяет час бессмысленных переговоров. Как страх уступает место расчету, а расчет — крохам лояльности. Она видела лица крестьян. Видела, как уходит животная ненависть из их глаз, сменяясь тупым, животным же удивлением.

Когда последний мешок перегрузили в деревню, а гвардейцы выстроились в походную колонну, Сергей подошел к дочери. Лицо его было серым от усталости, на бровях таяли снежинки. — Садись в двуколку, Аль. Дорога обратно займет всю ночь. Нужно успеть к утреннему совету. — Ты солгал им, — тихо сказала Амалия, не двигаясь с места. — В чем же? — Сергей приподнял бровь. — Ты сказал, что король не узнает. Но гонцы Борина уходят каждую неделю. Рано или поздно отчет попадет на стол его величества. — Я не лгал. Я недоговаривал, — граф положил тяжелую руку на плечо дочери. Рукав его дублета был испачкан кровью Мартина. — Король получает цифры. «Снижение социальной напряженности», «рост лояльности низших классов», «отсутствие пролитой крови». Красивые слова. Всеволод любит красивые слова, они помогают ему крепче спать. Он никогда не приедет сюда проверять, действительно ли дети перестали есть кору. Для него мы — чернила на карте. Для меня они — кирпич в стене. Разница мировоззрений, дочь. Запомни это.

— Ты рискуешь казней ради грязи под ногтями этих людей. — Я покупаю завтрашний день, — серьезно ответил Сергей. — Самый дорогой товар на границе. Завтра, когда какой-нибудь лесной шаман придет в Дубовый Лог и предложит им серебро за наши головы, Игнат-кузнец подумает дважды. Потому что вчера граф привез ему еду, а не огонь. Страх смерти проходит, Аль. Сытость запоминается надолго.

Обратный путь занял почти двенадцать часов. Они ехали сквозь ледяную морось, сменяя лошадей на постоянных дворах, которые Сергей приказал построить через каждые пять миль пути. Граф молчал почти всю дорогу, задремав в седле странным, чутким сном хищника, который просыпается от малейшего шороха. Амалия правила двуколкой сама, кутаясь в меховой плащ. Она думала о словах отца.

Они въехали в главные ворота Соколиной Скалы, когда небо на востоке только начало сереть. Башенные часы пробили шесть утра. Замок жил своей жизнью: со стен раздавались команды сержантов, из труб кухни валил густой дым, пахнувший печеным хлебом — Бланш вставала раньше всех.

Сергей передал коня подбежавшему оруженосцу и пошатнулся. Только сейчас стало видно, насколько он вымотан. Суставы ныли от холода, веки налились свинцом. — Найди лекаря, пусть принесет горячего вина с травами в библиотеку, — бросил он капитану Гвидо. — И пришли писаря. Мне нужно переписать приказ о налогах до того, как проснется королевский голубятник.

Амалия проводила отца взглядом. Она осталась во дворе. Подошла к колодцу, зачерпнула ведро ледяной воды и долго плескала себе в лицо, смывая дорожную пыль. Вода обожгла кожу, прогоняя сон. Она посмотрела вверх, на главную башню. Там, высоко под крышей, находилось единственное окно, которое Сергей позволил застеклить настоящим прозрачным стеклом. Окно кабинета Бланш.

Бланш не спала. Она стояла там, скрытая за легкой занавеской, и смотрела вниз. Амалии не нужно было видеть лицо матери, чтобы знать, о чем та думает. Бланш всегда боялась таких поездок. Боялась не за мужа — она знала, что сталь не берет того, кто сам мыслит как клинок. Она боялась за ту часть души Сергея, которая оставалась внизу, в грязи и крови Низин. Каждый такой выезд требовал от графа платы. Платой была человечность.

Лазарет располагался в восточном крыле, переоборудованном из старой казармы. Здесь всегда пахло сушеными травами, щелоком и человеческим страданием, но этот запах у Бланш ассоциировался не с болью, а с надеждой. За год она превратила хаос первых дней в четко работающий механизм. Тюфяки теперь лежали ровными рядами, проходы были чисто выметены, а медные инструменты сияли, начищенные песком до блеска. Вместо пьяных санитаров, набранных из проштрафившихся солдат, здесь работали женщины из Нового Посада, прошедшие строгий отбор графини.

Сейчас Бланш склонялась над столом, растирая в фарфоровой ступке корень мандрагоры. Перед ней сидел молодой лейтенант северной пехоты. Руку парня посекло осколком собственного же разорвавшегося мушкета. Боль была адская, кожа вокруг раны почернела. — Будет больно первые две минуты, Йенс, — мягко сказала Бланш, беря серебряными щипцами комок пропитанной настойкой ткани. — Потом ты увидишь ангелов. Попробуй не жениться на них сразу, они часто бывают обманчивы.

Парень криво усмехнулся, закусывая деревянную ложку. Бланш приложила ткань к открытой ране. Йенс замычал, тело выгнулось дугой, капли пота выступили на лбу. Но он не закричал. Крепкий народ рождался на севере.

Бланш работала быстро и точно. Обрезала омертвевшую плоть, засыпала рану порошком из сухих лепестков календулы и паутины — лучший антисептик, известный медицине — и начала накладывать швы. Её пальцы двигались с нежностью кружевницы, хотя занимались делом живодеpa.

— Госпожа графиня, — позвал тихий голос от двери. Бланш обернулась, придерживая иглу. В дверях стоял старый Этьен — нет, другой Этьен, новый главный ключарь замка, бывший вор, которого Сергей взял на службу за ловкость рук. Теперь он заведовал складами медикаментов. — Прибыл обоз из Дубового Лога, — доложил ключарь. — Староста просил передать... ну, словом, они благодарят. Очень сильно благодарят. Привезли свежего сыра и гуся. Сказали, это для вас, чтобы руки не болели.

Бланш грустно улыбнулась. Крестьянская благодарность всегда принимала форму еды. Еды, которой в замке хватало, но которая была лучшим способом сказать «спасибо» тому, кто лечит лихорадку прикосновением ладони и теплым словом. — Гуся отнеси на кухню, пусть разделают для общего стола, — распорядилась она, заканчивая последний узелок на повязке лейтенанта. — Сыр тоже. Раненым нужен кальций. А жителям деревни передай мой личный привет. И скажи, что если еще раз доведут себя до грызни друг с другом, я приеду туда сама. И лечить буду исключительно отваром горькой полыни. От нее зубы выпадают красивее, чем от цинги. Свободен.

Ключарь исчез. Бланш промокнула лоб тыльной стороной ладони и взглянула на Йенса. Парень уже дышал ровнее, глаза его начинали мутнеть от макового отвара, который она добавила ему в воду. — Спи, — шепнула она, укрывая его шерстяным одеялом. — Во сне раны заживают быстрее.

Она вышла из палаты в коридор. Прислонилась к холодной каменной стене. Ноги внезапно отказались держать. Ей было страшно. Не за Сергея — за баланс внутри него. Она вышла замуж за блестящего придворного, циничного, опасного, но понятного. Человека, чья жестокость была одета в шелк. Здесь, на краю мира, шелк истлел. Осталась только суть. Сергей умел любить. Умел заботиться. Но его любовь выглядела как строительство канализации, а забота — как угроза отправить человека чистить эту канализацию голыми руками. Он правил не сердцем и даже не умом. Он правил геометрией выживания. И Бланш чувствовала, как эта геометрия каждый день забирает у него каплю тепла, заменяя её льдом целесообразности.

«Поезжай с миром, муж мой, — подумала она, глядя в сторону лестницы, ведущей наверх, в кабинет. — Возвращайся скорее. Хотя бы для того, чтобы я могла напомнить тебе, что ты живой».

Сергей вошел в библиотеку. Писарь клевал носом над чистым листом бумаги. Маг Маркус, наоборот, бодрствовал — он сидел в кресле у остывающего камина, перебирая четки из черного янтаря. Воздух в комнате дрожал от остаточного напряжения: маг воздуха всегда чувствовал приближение бури или большой беды раньше других. — Гонца к королю, — бросил Сергей, тяжело опускаясь в кресло. Ноги гудели. — Черновик указа готов? Писарь вздрогнул, пролив чернила. — Почти, мессир. Я записывал со слов капитана Гвидо, пока вы... — Дай сюда.

Граф пробежал глазами текст. Сухой канцелярит бил по глазам. — Вычеркни фразу «проявив неслыханную милость», — приказал он. — Напиши: «В связи с аномальными погодными условиями и угрозой истощения мобилизационного ресурса ввиду смертности тяглового населения, объявляю мораторий на взимание натуральной подати в Низинном дистрикте сроком на один сельскохозяйственный цикл». Ниже приписка: «Зачинщики беспорядков направлены на принудительные работы по улучшению санитарного состояния укрепрайона». Печать поставишь мою личную, не государственную. Государственную используем для отчета казначейству. Всё, иди. И пришли кого-нибудь снять с меня сапоги, я не чувствую пальцев.

Писарь испарился. Маркус отложил четки и внимательно посмотрел на графа. — Вы играете с огнем, господин, — тихо сказал маг. — Благотворительность правителя развращает чернь быстрее, чем вино. Сегодня вы дали им зерно. Завтра они потребуют защиты от дождя. — Пусть сначала построят крышу, — хмыкнул Сергей, позволяя слуге стянуть с себя правый сапог. Нога отозвалась тысячей иголок. — Маркус, сколько времени нужно, чтобы научить тебя управлять погодой? Так, чтобы лето длилось лишний месяц? — Три жизни и сделка с демонами, которых я не желаю призывать, — сухо ответил маг. — Природу нельзя подчинить приказом, мессир. Можно лишь попросить. А духи севера просят взамен слишком высокую цену — память. — Значит, будем просить иначе, — Сергей надел мягкие домашние туфли. — Укрепляй ветровой щит над Новым Посадом. Чтобы снег не заметал улицы до крыш. Людей бери из штрафной роты, им полезно проветриться. Штрафники, отказавшиеся работать на открытом воздухе, проведут зиму чистя дымоходы изнутри.

Маг поднялся, поклонился и вышел. Сергей остался один. Он встал и подошел к столу. Массивная столешница из дуба, о которой говорила Амалия, была готова. Плотники сработали на славу. Сергей провел рукой по гладкому, теплему дереву. Завтра сюда принесут тушь и линейки. Он начнет чертить карту. Линии дорог, точки фортов, зоны вырубki леса. Он будет соединять точки линиями жизней своих людей.

Дверь скрипнула. На пороге стояла Амалия. Она успела сменить грязную одежду на сухую, заплела влажную косу заново, но на скуле у неё красовался след сажи, а рукава рубашки были закатаны выше локтей. — Ты пропустила завтрак, — заметил Сергей. — Помогала ставить палатки для беженцев из третьей деревни, — ответила девушка. Их пригнал патруль сегодня ночью. Полсотни душ. Ничего не умеют, только плакать. Я показала женщинам, как вязать узлы для каркаса. Мужчин отправила колоть лед на реке, чтобы не дебоширили. Это считается дипломатией? — Это считается логистикой, — Сергей устало улыбнулся. — Хорошее начало. Садись.

Амалия подошла ближе. Она не села в кресло для посетителей. Она оперлась бедром о край отцовского стола, заглядывая в разложенные карты. — Ты знал, что они отдадут сыр маме? — спросила вдруг девушка. — Догадывался. Твоя мать излучает безопасность. Даже когда просто идет по двору. Солдаты рядом с ней перестают чувствовать себя убийцами. Это полезный инструмент. — Инструмент? — Амалия прищурилась. — Мама — не инструмент, отец. — Конечно, нет, — легко согласился Сергей. — Инструменты можно заменить. Мать заменить нельзя. Именно поэтому я использую её присутствие как политический капитал. Видишь ли, власть делится на два вида. Та, что исходит от моего меча, заставляет людей под-

чиняться. Та, что исходит от сердца твоей матери, заставляет их хотеть подчиняться. Настоящий замок строится на обоих фундаментах.

Он достал из ящика стола яблоко. Протер его о штаны и бросил дочери. Амалия поймала плод одной рукой. — Ешь. И думай. Весной начнется настоящая война. Дикие земли соберутся в племена. Они придут не грабить. Они придут жить. Нам придется расширять границы. Вырубать лес на десять миль вокруг. Жечь торфяники, чтобы лишить их укрытий. Эти люди в Низинах должны пойти за нами добровольно. Не из-под палки. Поэтому сегодняшний обоз с зерном стоил дороже, чем годовое жалование всей моей армии. Мы купили их веру.

Амалия хрустнула яблоком. Сок брызнул на стол. — Вера плохо держит осаду, — заметила она. — Камень держит лучше. — Поэтому вторым пунктом сегодняшней повестки дня будет камень, — кивнул Сергей. — Вызывай мастеров. Начинаем рыть основание под донжон внутренней цитадели. Старый мал для нашего гарнизона. Будем строить новую твердыню. Таковую, чтобы само название «Соколиная Скала» заставляло южан креститься, а северных дикарей — обходить нас по широкой дуге.

Амалия кивнула. В её глазах плясал тот же холодный огонь, что и в глазах отца. — Какой проект берем за основу? Имперскую пятиугольную схему или нашу разработку с наклонными стенами? — Наклонные стены, — мгновенно ответил Сергей. — Против артиллерии варваров прямой угол живет одну зиму. Наклонный — три. И добавь галерею-ловушку над южными воротами. Хочу иметь возможность выливать на штурмующих не только кипяток, но и содержимое наших выгребных ям. Психологическая война — половина победы.

Они обсуждали чертежи будущего замка еще час. Отец и дочь, два архитектора новой реальности, выросшей на костях Волчьей Пустоши. За окном светало. Ветер снаружи завывал особенно тоскливо, напоминая, что зима близко. Но внутри Соколиной Скалы было тепло. Тепло исходило не только от каминов. Оно исходило от уверенности людей, знающих, что ими правит чудовище, способное переломить хребет любому врагу, но предпочитающее первым делом наполнить миску голодного ребенка. Такое чудовище стоило защищать ценой собственной жизни.

Сергей проводил дочь до дверей. — Зайди к матери, — сказал он напоследок. — Скажи, что я снял сапоги. Это значит, что сегодня вечером я принадлежу ей, а не войне. Ровно один час. Пусть приготовит ту мазь, которая ужасно воняет гусиным жиром. Мои колени отказываются служить дальше.

Когда дверь закрылась, граф вернулся к столу. Он сел, расправил на гладкой поверхности чистый лист пергамента и обмакнул перо в чернила. Королю Всеволоду предстояло прочитать очень скучный, очень сухой и очень оптимистичный отчет о состоянии северных рубежей. Ни слова о бунтах. Ни слова о съеденном зерне. Только цифры прогресса.

Король любил цифры. Сергей де Фальконе предпочитал живых людей. Ирония заключалась в том, что именно стремление сохранить людей живыми приносило самым сухим цифрам в столице наибольший рост.

Глава 4. Подарок для Бланш

Зима в этом году выдалась на удивление покладистой. Старики из Дубового Лога, крестясь и поминая древних богов, говорили, что граф ди Фальконе привез с собой не только зерно, но и толику южного тепла. Снег лег ровно, толстым пуховым одеялом укрыв каменистую почву Низин, а лютые морозы, обычно сковывавшие реки до самого дна так, что трескался гранит, задерживались где-то за Хребтом.

Для Сергея эта передышка означала лишь одно: возможность дышать полной грудью без запаха гари. Год непрерывной стройки, подавления мелких бунтов голодающих дезертиров и бесконечных расчетов превратил его лицо в посмертную маску — ту же бледность, те же резкие скулы, но глаза стали глубже, спрятавшись под тяжелыми надбровными дугами. Ему было тридцать восемь, но по утрам он чувствовал себя столетним старцем.

Сегодня он возвращался домой. Караван растянулся по замерзшему руслу Быстрицы. Везли не железо и не порох. Везли дерево. Огромные стволы вековых сосен, спиленных далеко на западе, в лесах барона фон Грассе, который внезапно осознал, что Соколиная Скала теперь контролирует единственную дорогу к портам северного моря. Переговоры длились три дня. Фон Грассе был напыщенным индюком, кичившимся древностью рода, но Сергей торговался с ним, как старый ростовщик, припоминая каждый пенни долга короны и каждую каплю крови своих латников, пролитую ради того, чтобы дороги барона оставались безопасными. Итогом стали сорок подвод отборного строевого леса, которые сейчас скрипели полозьями позади, и два тяжелых сундука, привязанных к седлу личной охраны графа.

Химера, чувствуя близость конюшни и отдыха, ускорила шаг, фыркая облачками пара. Сергей похлопал жеребца по шее. Впереди, вырастая из серого зимнего неба, показалась Соколиная Скала. Замок изменился. Исчезла мертвенная синева древнего камня. Южная стена, восстановленная силами пленных мятежников, сияла свежей кладкой. Надвратная башня обзавелась массивным подъемным мостом, который больше не замерзал намертво в пазах. А выше всех, венчая центральный утес, поднимались леса новой цитадели. Каркас из черного дерева казался скелетом гигантского зверя, готовящегося проглотить солнце.

У главных ворот караул взял «на караул» еще до того, как граф подъехал вплотную. Сигнальщики уже передали весть о возвращении господина. Сергей въехал во двор, кивнул подбежавшему капитану Гвидо и спешил. Ноги отозвались привычной свинцовой тяжестью. Три недели в седле, ночлеги на голой земле или в шатрах таких же продрогших вассалов — тело требовало расплаты за скорость.

— Борин принял лес? — спросил граф, передавая поводья оруженосцу. — До последней щепочки, мессир, — отрапортовал Гвидо, хромая навстречу. Капитан кутался в меховой плащ, но выглядел довольным. — Интендант чуть не плясал. Говорит, теперь нам хватит перекрыть крышу даже в солдатских нужниках дубом вместо гнилого теса. Барон фон Грассе прислал вам бочонок своего пива. Я позволил себе вскрыть одну пробку... Мессир, это моча демонов. Вы правильно сделали, что взяли лес натурой. — Пусть эту мочу выпьет тот плотник, который уронил балку мне на ногу в прошлом месяце, — усмехнулся Сергей. Боль в стопе все еще напоминала о себе при резких движениях. — Где моя семья? — Госпожа Бланш в лазарете, штопает молодцов после учений. Юная госпожа Амалия... — Знаю, — прервал Сергей. — Опять заставляет Маркуса пускать молнии в ледяные торосы. Идем со мной. Поможешь нести подарки. Если уронишь хоть один сверток, будешь объяснять моей жене, почему её цветы придется сажать в грязь руками.

Их шаги гулко отдавались в переходах донжона. Чем ближе они подходили к жилому крылу, тем теплее становился воздух. Запахло печеным хлебом, сушеными яблоками и чем-

то неуловимо сладким — духами Бланш. Для сурового гарнизона этот запах был таким же символом дома, как вид собственного очага.

Дверь их личных покоев открылась бесшумно. Бланш стояла посреди гостиной спиной к двери. Она расчесывала волосы. За год жизни на севере её плечи чуть ссутулились от постоянного напряжения — она взвалила на себя всю медицину замка, превратив восточное крыло в лучшую лечебницу на сотни миль вокруг, — но грация никуда не делась. Солнечный свет из высокого окна падал на её фигуру, обрисовывая силуэт сквозь тонкую ткань домашнего платья.

Она обернулась на звук шагов. Улыбка тронула её губы, но тут же угасла, сменившись тревогой. — Серый, — тихо сказала она, опуская гребень. — Ты выглядишь так, будто тебя жевали.

Сергей остановился. Сундуки в руках Гвидо тоже замерли. Граф тяжело привалился плечом к косяку. Вся его обычная броня из сарказма и стальной воли дала трещину. Перед женой стоял просто очень уставший мужчина. — Фон Грассе оказался жаднее болотной пиявки, — выдохнул он, проводя рукой по лицу. — Но мы его сломали. Лес наш. Привет тебе от цивилизации.

Он кивнул Гвидо. Капитан аккуратно опустил тяжелые резные сундуки на толстый персидский ковер, который Бланш каким-то чудом сумела сохранить от моли и грязи походной жизни. Гвидо коротко поклонился хозяйке: — Рад видеть вас в добром здравии, госпожа. Разрешите удалиться, пока господин граф не вспомнил про мое пиво. — Иди, капитан, — слабо махнул рукой Сергей. — Скажи повару, пусть зажарят любую птицу, которую найдут. Мне нужен жир.

Когда дверь закрылась, отрезая их от внешнего мира, Сергей наконец расслабил спину. Раздался отчетливый хруст позвонков. Он подошел к жене. Бланш подняла руки, собираясь расстегнуть заколку на его дорожном плаще, но остановилась. Её ладони сами собой потянулись к его лицу. Прохладные, тонкие пальцы коснулись висков, спустились к челюсти.

— Ты держишь челюсть так, словно хочешь раскусить камень, — прошептала она. Подушечки её пальцев были прохладными, но от них исходило живое, пульсирующее тепло. Это была не магия огня или воды. Это было то редкое, почти забытое искусство, которому нельзя научиться в академиях — Магия Жизни. Дар исцеления. — Садись.

Она буквально силой усадила его в глубокое вольтеровское кресло у камина. Огонь здесь горел постоянно, поддерживаемый дежурным слугой, но именно сейчас, под взглядом Бланш, пламя словно подобралось ближе, согревая ноги графа сквозь подошвы сапог. — Не надо, сердце мое, я просто устал, — попытался возразить Сергей, но слова застряли в горле.

Бланш положила обе ладони ему на грудь, прямо поверх колета. Закрыла глаза. Сергей почувствовал, как невидимая волна прокатывается по его телу. Сначала ушла боль из разбитых суставов. Затем растворилось напряжение в затылке, которое мучило его последние две недели. Тяжелый груз ответственности, давивший на плечи свинцовым яром, вдруг стал легче. Это не было сном или потерей сознания. Наоборот — мир стал четче, краски ярче, а воздух в легких впервые за месяц наполнился до самой глубины.

Такова была суть её дара. Бланш не лечила раны плоти — хотя делала это мастерски. Она снимала усталость души. Она вытягивала яд тревоги, которым неизбежно пропитывался любой правитель, принимающий решения ценой чужих жизней.

— Они опять пытались прорвать твой левый фланг на маневрах? — спросила она, не открывая глаз, продолжая мягко массировать его грудную клетку через одежду. — Откуда ты... — начал Сергей и осекся. — Ах да. Лазарет пахнет жжеными волосами. Маркус перестарался с иллюминацией для Амалии. — Она копирует твою стойку, — Бланш открыла глаза. В них стояли слезы облегчения. — Левая нога отставлена назад слишком сильно. При таком весе рано или поздно полетят колени. Тебе нужно учить её плавать, а не фехтовать, Серый. Вода заберет лишний вес и научит гибкости. — Чтобы мой ребенок барахтался в луже, как утлая лодка?

— хмыкнул Сергей, беря её руку в свои и целуя запястье. Кожа там пахла травами и медом. — Нет уж. Пусть лучше ломает мечи о тренировочные столбы. Как долго ты можешь держать это... спокойствие? — Пока ты дышишь, — серьезно ответила она. — Но если ты скажешь слово «король» или «налог», эффект аннулируется, и я вылью тебе на голову котел кипятка.

В коридоре раздался дробный стук каблучков. Дверь распахнулась, едва не сойдя с петель. Амалия влетела в комнату подобно порыву ветра. Лицо её покраснело от мороза, выбившаяся из-под кожаной повязки прядь волос прилипла ко лбу. В руке она сжимала деревянный тренировочный шест, с конца которого всё ещё сыпались голубые искры статического электричества. — Отец! — воскликнула она, резко останавливаясь и пытаясь придать себе вид придворного реверанса, что в штанах и высоких сапогах выглядело комично. — Мы довели время реакции четвертого отряда до трех секунд! Маркус говорит, что если обмотать наконецники стрел проволокой, можно будет сбивать летящих ворон!

Взгляд девушки упал на открытые сундуки. Воинственный пыл мгновенно испарился, сменившись хищным блеском исследователя. Амалия была дочерью своего отца во всем, кроме одного: трофеи войны интересовали её исключительно с точки зрения механики и материаловедения.

— Что внутри? — она упала на колени перед отцовским багажом, забыв про приветствие матери. — Железо? Новые пружины для арбалетов? — Сначала уважение к старшим, Аль, — строго сказал Сергей, хотя уголки его губ предательски ползли вверх. Тепло Бланш окончательно вернуло ему способность чувствовать радость. — Здравствуй, дочь. — Прости. Здравствуй. Так что там? — нетерпеливо дернула плечом девушка, уже развязывая бронзовые замки первого сундука.

Сергей переглянулся с Бланш. Графиня улыбалась той тихой, всепрощающей улыбкой, которой обладают только матери взрослых сорванцов. — Это называется «подарки», дорогая. Традиция южан. Когда муж возвращается домой, он приносит вещи, бесполезные для выживания, но приятные для жизни.

Первый сундук открылся с легким вздохом. Внутри, переложённые соломой и тканью, лежали странные предметы. Амалия вытащила длинный рулон плотной бумаги. Развернула. Это был чертеж. Очень детальный, выполненный тушью на пергаменте высшего сорта. Изображение сложного механизма: система шестеренок, противовесов и хитрых рычагов. — Пол-испаст нового типа, — ахнула Амалия, её пальцы забегали по линиям. — Южный патент! Блокировка обратного хода! Отец, это же сократит время подъема моста вдвое! Где ты его украл? — Купил, — поправил Сергей. — У мастера, который проектировал шлюзы в столице. Осторожнее, бумага старая.

Затем девушка извлекла небольшой мешочек из плотной кожи. Развязала шнурок. На ладонь ей высыпались крошечные, сморщенные коричневые шарики. — Порох? — принялась она. — Семена, — вмешалась Бланш, подходя ближе. Она взяла несколько шариков. — Редкий сорт южной лилии. Цвет черный с золотой каймой. Называется «Поцелуй скорпиона». Их невозможно вырастить севернее Рима, им нужна вулканическая почва. — Значит, наша земля станет вулканической, — пожала плечами Амалия, бережно пересыпая семена обратно. — Я построю им теплицу с подогревом от горячих источников.

Второй сундук был меньше и заперт на изящный замок с секретом. Сергей шелкнул скрытым механизмом, крышка откинулась. Здесь царствовал шелк. Тончайшая, невесомая ткань цвета грозового неба, расшитая серебряной нитью в виде переплетающихся ветвей плюща. Бланш ахнула, прикрыв рот рукой. Она никогда не просила украшений. Золото и камни её не волновали. Но работа мастеров южных провинций, тех немногих вещей, что пережили падение старой Империи, всегда заставляла её сердце замирать. — Это... это стоит целое состояние, Серый, — прошептала она, осторожно касаясь ткани кончиками пальцев, боясь оставить зацепку. — Зачем? Нам нужны были наемники для восточной стены. — Восточная стена подо-

ждет неделю, — твердо сказал Сергей. — Ни один наемник не ударит за меня так, как ударит твоя вера в то, что наш дом достоин красоты. Разверни.

Бланш медленно достала платье. Оно струилось между пальцами, как вода. Силуэт был простым, прямым, без модных ныне безумных каркасов из китового уса, которые делали женщин похожими на перевернутые бокалы. Этот крой подчеркивал естественную линию плеч и высокую грудь. — Я распорядилась нагреть воду для купания, — сказал Сергей, вставая. Теперь, когда жена смотрела на него снизу вверх огромными, влажными глазами, полными благодарности, он снова чувствовал себя не правителем холодного края, а мужчиной, вернувшимся к своей женщине. — И велел выбросить твои старые шерстяные чулки. Сегодня ночью ты будешь танцевать. Даже если танцевать придется на моем столе.

Амалия демонстративно кашлянула, разрывая момент. — А мне? — напомнила она, сверкая глазами. — Или дочерняя любовь закончилась на семенах сорняков?

Сергей усмехнулся. Он подошел ко второму сундуку, запустил руку глубоко под ворох шелка и нащупал там нечто твердое, завернутое в промасленную кожу. — Держи. Инструмент познания.

Он протянул дочери сверток. Амалия развернула его одним движением. На свет появился кинжал. Короткий клинок из темно-серой булатной стали, испещренный волнистым узором дамаска. Но рукоять заставила девушку затаить дыхание. Она была выточена из цельного куска кости. Не обычной животной кости — желтоватой и пористой. Эта была молочно-белой, тяжелой, с прожилками, мерцающими изнутри глубоким пурпурным светом, похожим на отблеск далекой звезды. По всей длине рукояти шла вязь старинных рун, инкрустированных платиной.

— Драконья кость, — благоговейно выдохнула Амалия. Она приняла оружие двумя руками. Кинжал идеально сбалансировался. — Настоящая. Откуда?! — Нашел в сокровищнице фон Грассе, — спокойно ответил Сергей, наблюдая за дочерью. — Барон думал, что это просто старая поделка. Пришлось объяснить ему ценность артефактов эпохи Войны Кланов. Рукоять усилена магией разума. Если враг попытается взять твой нож голой рукой, его разум на мгновение соприкоснется с памятью зверя. Поверь, этого мгновения тебе хватит, чтобы перерезать ему глотку.

Амалия сделала выпад в пустоту. Клинок рассек воздух с неслышным шелестом. Девушка крутанула кисть, и кинжал исчез в широком рукаве её куртки, появившись вновь в обратном хвате. Движения были инстинктивными, природными. — Идеально, — констатировала она. — Вес распределен на пять дюймов вперед от гарды. Можно метать из любого положения. Спасибо, отец. Она подошла и быстро, по-мужски, крепко обняла его, ткнувшись носом в плечо. Сергей погладил её по жестким волосам. Его девочка. Волчонок, выросший среди камней.

Вечер спускался на замок. Они сидели втроем у огромного камина в гостиной. Стены комнаты преобразились стараниями Бланш: грубые камни скрывались за шпалерами с вышивкой, на полу лежали шкуры северных медведей, а тяжелый дубовый стол украшала простая, но изящная оловянная посуда. Повар постарался на славу. На блюде дымился целый глухарь, фаршированный клюквой и кедровыми орехами. Рядом остывал пирог с олениной. В кубках плескалось густое красное вино из запасов, сохранившихся в подвалах замка еще со времен первых королей.

Разговор тек лениво. Амалия, расправившись со своей порцией мяса быстрее, чем это сделал бы дикий пес, теперь чистила свой новый кинжал кусочком мягкой замши, слушая вполуха рассказ отца о том, как интендант Борин пытался взвесить бревна вместе с санями, чтобы увеличить отчетность. — ...и тогда я приказал погрузить самого Борина на другие сани, — закончил Сергей, отрезая кусок птицы. — После этого математика чудесным образом сошлась. Бланш засмеялась. Звук её смеха заполнял комнату, вытесняя холод снаружи. — Ты чудовище, — ласково сказала она. — Бедный Борин наверняка написал завещание. — Он

написал рапорт о необходимости закупки новых рычажных весов, — ухмыльнулся граф. — Прогресс не остановить. Кстати, о строительстве. Аль, завтра утром зайдешь к Маркусу. Нужно рассчитать нагрузку на новые стропила внутреннего двора. Используй формулы сопромата, а не свою интуицию. Интуиция хороша для драки, для крыши нужна физика. — Хорошо, пап, — кивнула Амалия, не отрываясь от клинка. Платиновая вязь рун тускло блестела в свете огня.

Бланш смотрела на них обоих. На мужа, чьи жесткие черты лица смягчились в домашней обстановке, делая его почти мальчишеским. На дочь, в которой первобытная дикость сочеталась с острым аналитическим умом. Впервые за долгие месяцы она позволила себе расслабиться полностью. Завтра будут чертежи, счета за извезть и жалобы крестьян на волков. Но сегодня ночь принадлежала только им.

Она встала, чтобы подбросить дров в камин. Сергей поднялся следом, обошел стол и приобнял её сзади, положив подбородок ей на макушку. — Оставь, — шепнул он. — Там полно угля. Позволь огню умереть. Темнота мне нравится больше. — Потому что в темноте проще красть поцелуй у жены, которая пытается работать, — проворчала Бланш, но откинула голову назад, подставляя шею под его губы. — Именно, — подтвердил он, целуя нежную кожу под ухом.

Амалия закатила глаза с преувеличенным раздражением подростка, вынужденного наблюдать родительскую нежность. — Меня сейчас стошнит от вашего сахара, — сообщила она, вкладывая кинжал в новенькие кожаные ножны. — Пойду, проверю посты на северной башне. Рольф жаловался, что часовые засыпают. Хочу посмотреть, правда ли, что от моего вида они теряют дар речи от страха, или просто притворяются.

Она набросила на плечи короткий тулуп и вышла, бесшумно притворив за собой тяжелую дверь. Характер нордический, выдержанный.

Сергей проводил её взглядом, затем повернулся к жене. В глазах Бланш плясали золотые искорки отраженного пламени. — Она справится? — тихо спросила графиня. Вопрос был старше самих гор. Справится ли ребенок с этим миром? — Она родилась с ножом в зубах, — ответил Сергей. — Моя задача — сделать так, чтобы сталь в её руке никогда не дрогнула. Идем.

Он взял её за руку и повел прочь от стола, от остатков еды, от карты мира, висевшей на стене. Вверх по винтовой лестнице, ведущей в их спальню. Год войн, грязи и смертей остался внизу. Наверху, под защитой толстых стен и любви женщины, способной исцелять одной лишь волей, был островок абсолютного покоя.

Стук раздался, когда они уже начали забывать о существовании времени. Это был не вежливый стук просителя. Это был тяжелый, рваный удар кулаком в окованную железом дверь жилого крыла. *Бух. Пауза. Бух-бух.* Тревога.

Сергей скатился с кровати одним движением. Рефлексы, дремавшие всего полчаса назад, сработали мгновенно. Он не стал искать халат. Натянул только штаны и сапоги. Бланш уже села в постели, прижимая к груди тонкую льняную простыню. Сонливость слетела с неё, лицо стало белым, как полотно. — Оставайся здесь, — бросил граф, схватывая со стойки у двери свой пояс с оружием. Бастард вошел в ножны с сухим щелчком. — Будь осторожен, — голос Бланш прозвучал ровно, но пальцы, которыми она благословила его вслед, дрожали.

Сергей вышел в общий зал. У дверей, переминаясь с ноги на ногу, стоял молодой гонец из патрульной роты. Парень был покрыт снегом с головы до ног, его кожаный панцирь задубел от льда, а изо рта валил пар. Он отсалютовал, едва не потеряв равновесие от усталости. — Ваша милость! — выкрикнул он, глотая окончания слов. — Экстренное донесение от капитана разъезда Восточной межи!

Сергей вырвал из его рук тубус. Сорвал печать. Развернул жесткий пергамент. Свеча в канделябре бросала неровный свет на строки, написанные быстрым, прыгающим почерком лейтенанта Орма. *«Мессирю Графу. 21:40. Обнаружены следы массового перехода. Большие*

тысячи особей. Следы ведут от Черного Урочища к бродам Тихой. Шаманская вязь на деревьях. Горячка земли. Люди отказываются идти дальше, говорят, сама река стонет. Запрашиваю приказ.»

Сергей дочитал до конца. Сложил лист. Пальцы его побелели от напряжения, сжимающего футляр депеши. Восточная межа. Самый дальний форпост. Тот самый, куда он планировал отправить Амалию весной на практику. Броды Тихой — единственное место, где орды Диких земель могли перейти реку вброд летом. Зимой река должна была встать. Но лейтенант пишет о «горячке земли» — термине, означающем использование запретной магии Крови и Земли, которая растапливает вечную мерзлоту.

Кто-то собрал армию. Кто-то достаточно сильный, чтобы заставить шаманов работать зимой. И эта армия идет сюда.

Граф поднял голову. Посмотрел на гонца. — Конь загнан? — Насмерть, ваша милость. Я бежал последнюю милю пешком. — Еда, сухая одежда, сон до утра. Никто не смеет тебя трогать, — распорядился Сергей. Голос его звучал совершенно иначе, чем час назад. Это был голос полководца. — Гвидо! — рывкнул он так, что дрогнули стекла.

Капитан возник из боковой двери, где располагались комнаты офицеров. Судя по встрепанным волосам, он спал, не раздеваясь. — Трубачи. Общий сбор. Всех. Гарнизон, строителей, штрафников. Время учений закончилось, — Сергей говорил рублеными фразами, одновременно затягивая ремни кирасы. — Открыть арсеналы. Выдать полный боекомплект первой линии. Вторая линия получает кольчуги и фальшионы. Отправь людей в Новый Посад. Мирных жителей — в подземелья Сокола. Скот загнать во внутренний двор. Каменоломню запечатать, рабочих поднять на стены.

— Сколько их? — Гвидо уже командовал двум слугам подавать ему доспехи. — Достаточно, чтобы утопить нас в кишках, — ответил Сергей. Он подошел к столу, взял колокольчик и позвонил. — Борин! Живее, старый мешок! Интендант выскочил из своей каморки, зажимая уши. — Мой лорд?! Оружие Господне, на нас напали?! — Нападут на рассвете, — отрезал Сергей. — Готовь провизию. Каждому на стенах выдать двойной паек. Водку разогреть. Людям должно быть жарко. И найди мне инженера. Если эти ублюдки принесут лестницы, я хочу сбросить их вместе с самими лестницами.

Он повернулся к гонцу, который уже переодевался за ширмой: — Как звать? — Рик, сын кузнеца, ваша милость. — Хороший бег, Рик. Когда отобьем этих тварей, получишь землю возле ручья. Свободен.

Сергей подошел к двери спальни. Остановился. Овернулся. Бланш стояла на пороге своей комнаты. Простыню она сбросила. Сейчас на ней была только простая холщовая рубаша, перехваченная на талии веревкой. В руках она держала плетеную корзину, которую всегда брала с собой в лазарет. Но сейчас корзина была наполнена не бинтами. Там лежали пучки сухих трав, связки чеснока, бутылки со святой водой и серебром. Целительница готовилась встречать войну.

Их взгляды встретились. Никаких слез. Никаких прощаний. Только абсолютное, страшное понимание. Мирная жизнь, подарившая им семена редких цветов и кинжалы из драконьей кости, закончилась сегодня в девять часов сорок минут вечера. Завтра Соколиная Скала примет крещение огнем. И граф надеялся только, что его маленькая крепость окажется достаточно острой, чтобы разорвать брюхо тому монстру, что выполз из глубин Диких земель.

— Заделайте ставни, — сказал он жене. — И заприте Амалию в библиотеке. Дай ей свои травы, пусть перебирает. Ей нужно занятие, чтобы не лезть под руку с вопросами. — Она уже знает, — тихо ответила Бланш. — Она почувствовала вибрацию камня, когда ты открыл письмо. Девочка сейчас надевает кольчугу в казарме.

Сергей криво усмехнулся. Конечно. Его дочь не могла пропустить конец света. — Тогда проследи, чтобы надела её правильно, — буркнул он. — И береги себя. Мне понадобится твоя

сила, когда первая волна ударит в ворота. Я должен стоять на стене тяжелым болваном, а не думать о твоей лихорадке. — Иди, — кивнула Бланш. — Я встречу тебя здесь. Живым.

Сергей ди Фальконе вышел в холодный коридор. Домашний уют осыпался с него сухой шелухой. Впереди была долгая, кровавая ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.